

ООО «ЭСКУЭЛА»
Редакция журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ»

(PVCMS 2021)

ЗАЩИТА ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Protection of Victims of Crime in Modern Society

*Материалы
IV Международной научно-практической
интернет-конференции*

Россия, г. Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.

УДК 343.988
ББК Х401.я43
3 40

Главный редактор:
Майоров А. В., кандидат юридических наук, доцент.

Рецензент:
Зуев С. В., доктор юридических наук, доцент.

3 40

Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.) / отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — 131 с. — URL: <http://victimolog.ru/index.php/victimo/issue/archive>.

В сборник включены материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции «Защита жертв преступлений в современном обществе», состоявшейся 22–23 февраля 2021 года. Конференция проводится редакцией научно-практического журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ» совместно с кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права Челябинского государственного университета. В сборнике также представлены тезисы докладов, рекомендованных к опубликованию в научно-практическом журнале «ВИКТИМОЛОГИЯ» (<https://victimolog.ru>).

Все материалы размещены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Мнение авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

УДК 343.988
ББК Х401.я43

© Коллектив авторов, 2021
© Редакция журнала
«ВИКТИМОЛОГИЯ»

Содержание

Кобец П. Н.

Правовое регулирование защиты прав
жертв преступлений в Канаде 5

Воронин Ю. А.

Наркопреступность: виктимологическая
составляющая в зеркале минувшего десятилетия 13

Гаврилов М. А.

Некоторые вопросы защиты
имущественных прав потерпевших 19

Аникушина В. А.

Статус жертвы преступления.
Роль прокурора в сфере защиты прав жертвы 25

Ахматгараева Е. С.

Защита интересов новорожденного
при освобождении от уголовной ответственности
за совершение преступления,
предусмотренного ст. 106 УК РФ 30

Бинецкая Е. Д.

Виктимологическая профилактика
изнасилований 40

Дубницкая А. В.

Проблема профилактики
некриминального психического насилия
среди несовершеннолетних 46

Задёра В. В.

Защита жертв от террористических актов
в Российской Федерации:
пути законодательного решения
на примере зарубежного опыта 54

Кашипер А. А.

Экстремизм как глобальная угроза
международной безопасности. 59

Кирьянова Д. А.

Судебная защита потерпевших от преступления 67

Ковтун К. А.

Проблема правовой защиты жертв преступлений.
Психологический аспект. 74

Корчагина Т. А.

К вопросу о проведении
судебно-психиатрических экспертиз
в отношении потерпевших
в условиях стационара 80

Карсанова Д. А.

Координационная деятельность прокуратуры
по предупреждению преступности 87

Лукьянова Я. Г.

Личность преступника и жертвы
в преступлениях
семейно-бытовой направленности 92

Михайлова А. В.

Риски и факторы виктимизации жертв
преступлений в банковской сфере 102

Токарева А. А., Степанова М. А., Гладышева В. А.

Типы реагирования родителей
пострадавших несовершеннолетних
на ситуацию сексуального насилия 109

Федоров А. С., Виноградова С. А.

Механизмы защиты прав подозреваемого
при принуждении к даче показаний 117

Шувалова М. А.

Виктимологическое моделирование
как эффективный метод профилактики
и прогнозирования преступности 125

УДК 343.988

Правовое регулирование защиты прав жертв преступлений в Канаде

Кобец П. Н.

доктор юридических наук, профессор

Всероссийский НИИ МВД России

г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: pkobets37@rambler.ru.

Аннотация. В данной научной работе исследовано законодательное регулирование обеспечения прав жертв преступлений в Канаде. В процессе исследования автором была поставлена цель — провести исследование действующего канадского законодательства, регламентирующего защиту прав жертв преступлений и возмещение преступного вреда. В целях исследования правовых основ Канады регламентирующих защиту прав жертв преступлений и возмещение преступного вреда, автором изучались канадские законодательные акты, отдельные нормы канадского законодательства, а также отечественные и зарубежные источники по рассматриваемым в работе вопросам. Автор приходит к выводу, что в конце прошлого столетия в Канаде вследствие активной общественной правозащитной деятельности, удалось в значительной степени добиться существенных изменений законодательства, защищающего права жертв преступлений. При этом, самые значительные изменения в правовое положение потерпевших были внесены в 2015 г. вступившим в силу Канадским Биллем о правах жертв. Благодаря этим изменениям канадское законодательство стало соответствовать основным международным нормам, направленным на защиту прав потерпевших.

Ключевые слова: жертва преступления, законодательное регулирование, правовые основы, законодательные акты, право на защиту, покрытие убытков, право на информацию, реституция, финансовые потери, виктимологическая профилактика, предупреждение преступности.

Для цитирования: Кобец, П. Н. Правовое регулирование защиты прав жертв преступлений в Канаде / П. Н. Кобец // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 5–12.

Legal Regulation of Protection of Victims' Rights Crimes in Canada

Kobets P. N.

*Doctor of Law Science, Professor
All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation.
E-mail: pkobets37@rambler.ru.*

Abstract. This research paper examines the legislative regulation of ensuring the rights of victims of crime in Canada. In the course of the research, the author set a goal — to conduct a study of the current Kazakh legislation regulating the protection of the rights of victims of crimes and compensation for criminal damage. In order to study the legal framework of Canada regulating the protection of the rights of victims of crime and the compensation of criminal harm, the author studied Canadian legislative acts, certain norms of Canadian legislation, as well as domestic and foreign sources on the issues considered in the work. The author comes to the conclusion that at the end of the last century in Canada, as a result of active public human rights activities, significant changes in legislation protecting the rights of victims of crime were largely achieved. At the same time, the most significant changes to the legal status of victims were made in 2015 by the Canadian Victims' Bill of Rights, which came into force. Thanks to these estates, Canadian legislation has become consistent with the main international standards aimed at protecting the rights of victims.

Keywords: victim of crime, legislative regulation, legal framework, legislative acts, right to protection, loss coverage, right to information, restitution, financial losses, victim prevention, crime prevention.

Введение

Когда в 1948 г. Организацией Объединенных Наций (далее — ООН) была принята «Всеобщая декларация прав человека»¹, она стала источником вдохновения для всего человечества. И даже несмотря на то, что в ней конкретно не упоминаются жертвы преступлений, она заложила основу таким дефинициям, как право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. В 1985 г. ООН, опираясь на эти толкования, приняла

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2021).

«Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью»¹. В ней содержится призыв к правительствам всех стран мира обеспечить правосудие и помощь жертвам преступлений и злоупотреблений властью. И судя по отечественным и зарубежным публикациям, многие государства откликнулись и стали реагировать на призыв о помощи жертвам преступлений в своих странах [3, с. 1726–1731].

При этом важно подчеркнуть о том, что Канада одна из первых откликнулась на этот призыв к действию, различными инициативами от законодательного закрепления идей восстановительного правосудия [7, с. 110], совершенствования уголовного наказания [5, с. 83], введения института связанного с назначением Федерального омбудсмана по делам жертв преступлений², утверждения в 1996 г. Программы по защите свидетелей [9, с. 580], до принятия в 2015 г. Канадского Билля о правах жертв — Canadian Victims Bill of Rights (далее — CVBR)³. В результате его принятия были внесены поправки в другие соответствующие федеральные законы, включая Уголовный кодекс Канады (далее — УК Канады)⁴, Закон об исправительных учреждениях и условном освобождении⁵ и Канадский закон о доказательствах⁶.

Постановка проблемы

CVBR применяется к жертвам преступлений, в соответствии с пятью федеральными законами, то есть преступление, совершенное против жертвы, должно подпадать под действие следующих законодательных актов УК Канады, Закона об уголовном правосудии в отношении молодежи⁷, Закона о преступлениях против человечности и военных преступлениях⁸, а также к некоторым преступлениям, предусмотрен-

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2021).

² Office of the Federal Ombudsman for Victims of Crime. URL: <https://victimsfirst.gc.ca/> (дата обращения 30.01.2021).

³ Canadian Victims Bill of Rights (S.C. 2015, с. 13, s. 2) URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-23.7/page-1.html> (дата обращения 30.01.2021).

⁴ Criminal Code (R.S.C., 1985, с. C-46) URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-1.html> (дата обращения 11.01.2021).

⁵ Corrections and Conditional Release Act (S.C. 1992, с. 20). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-44.6/> (дата обращения: 30.01.2021).

⁶ Canada Evidence Act (R.S.C., 1985, с. C-5). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-5/> (дата обращения: 30.01.2021).

⁷ The Youth Criminal Justice Act Summary and Background. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/cj-jp/yj-jj/tools-outils/back-hist.html> (дата обращения: 11.01.2021).

⁸ Crimes Against Humanity and War Crimes Act (S.C. 2000, с. 24). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-45.9/> (дата обращения 30.01.2021).

ным законом о контролируемых наркотиках и веществах¹ и законом об иммиграции и защите беженцев².

CVBR вводит новое определение понятия «жертва» и провозглашает права для потерпевших от преступления [1, с. 202]. Эти права распространяются на жертв, определенных в законе, и на тех лиц, которые могут осуществлять права от имени жертвы, если они умерли или не способны действовать от своего собственного имени, в том числе от имени супруга, родственников или иждивенцев потерпевшего, законных опекунов-представителей потерпевшего или законных опекунов-представителей иждивенца потерпевшего [10, с. 168].

Описание исследования

С принятием CVBR потерпевшим предоставлено право требовать возмещения ущерба. Платежеспособность правонарушителя является лишь одним из факторов, которые суд должен учитывать при принятии решения о реституции. Суды могут включать в свое решение информацию о графиках платежей. Судья может распорядиться о возмещении финансовых потерь, связанных с: поврежденным или утраченным имуществом в результате преступления; физической травмой или психологическим вредом в результате преступления; телесными повреждениями; расходами на временное жилье, питание, уход за детьми и транспорт в связи с переездом из дома преступника (это относится только в том случае, если жертва переехала потому, что ей был причинен физический вред или ей угрожал физический вред в связи с преступлением, арестом или попыткой ареста преступника); расходами, которые жертве в связи с кражей ее личных данных должны были заплатить, чтобы исправить кредитную историю и кредитный рейтинг³.

Жертвы имеют право запрашивать информацию о системе правосудия, доступных им услугах, а также информацию о ходе рассмотрения их дела и статусе лица, причинившего им вред. Также могут запросить информацию о ходе расследования своего дела, в том числе: состояние и результаты расследования; планирование, ход и окончательные результаты уголовного судопроизводства; любой пересмотр условного освобождения правонарушителя, а также сроков и условий этого освобождения; копии любых постановлений об освобождении под залог, условном осуждении и испытательном сроке; сведения об обвиняемом,

¹ Controlled Drugs and Substances Act (S.C. 1996, с. 19). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-38.8/> (дата обращения: 30.01.2021).

² Immigration and Refugee Protection Act (S.C. 2001, с. 27). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/i-2.5/> (дата обращения: 30.01.2021).

³ Victim's right to seek restitution. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/cj-jp/victims-victimes/rights-droits/restitution-ordonnance.html> (дата обращения: 30.01.2021).

признанном негодным к суду или не привлекаемым к уголовной ответственности по причине психического расстройства, в то время как это лицо находится под юрисдикцией суда или надзорной комиссии. В рамках федеральной системы исправительных учреждений и условно-досрочного освобождения потерпевшие имеют право: получить информацию статусе преступника, причинившего им вред; даты освобождения преступника, место назначения и условия освобождения за 14 дней до освобождения, если только раскрытие информации не окажет негативного влияния на общественную безопасность¹.

Потерпевшим дано право представлять заявления о воздействии на них и требовать их рассмотрения. Необходимо также учитывать мнения жертв в отношении решений, затрагивающих их права. После принятия CVBR потерпевшим было обеспечено более значимое участие в системе уголовного правосудия и теперь они имеют право: требовать от судей включения в протоколы производства по делу об освобождении под залог того, что они рассмотрели вопрос о безопасности потерпевшего; добавить признание вреда, причиненного жертвам и обществу, в качестве цели вынесения приговора в соответствии с Уголовным кодексом; использовать свидетельскую помощь, когда они представляют свое заявление о воздействии на них в суде. Также потерпевшим было предоставлено более значимое участие в системе исправительных учреждений и условно-досрочного освобождения, включая: возможность назначить лицо, представляющее их интересы, для получения информации от их имени; и возможность отказаться от доступа к информации о преступнике, причинившем им вред, со стороны Исправительной службы Канады² и Совета по условно-досрочному освобождению Канады³, если они того пожелают. Если пострадавшие не смогут присутствовать на слушании по условно-досрочному освобождению, то они также будут иметь возможность прослушать аудиозапись судебного слушания⁴.

При этом в соответствии с CBVR права жертв преступлений должны быть соблюдены таким образом, чтобы они не мешали работе полиции, уголовно-процессуальному расследованию, судебному преследованию или судебному разбирательству и не ставили под угрозу жизнь и безопасность людей. В том случае если права не соблюдаются, то жертвы

¹ Victim's right to information. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/cj-jp/victims-victimes/rights-droits/information.html> (дата обращения: 30.01.2021).

² Correctional Service of Canada. URL: <https://www.csc-scc.gc.ca/index-en.shtml> (дата обращения: 30.01.2021).

³ Parole Board of Canada. URL: <https://web.archive.org/web/20101003132243/http://pbc-clcc.gc.ca/index-eng.shtml> (дата обращения: 30.01.2021).

⁴ Victim's right to participation. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/cj-jp/victims-victimes/rights-droits/participation.html> (дата обращения: 30.01.2021).

имеют право подать жалобу, если они считают, что их права не были соблюдены¹. Жалобы на провинциальные или территориальные органы, такие как полиция или службы по оказанию помощи жертвам, рассматриваются в соответствии с соответствующими провинциальными или территориальными законами².

Заключение

Таким образом, CBVR предоставляет информацию о новых или расширенных правах потерпевших и изменениях УК Канады, вытекающих из этого закона. В целом можно отметить, что Канадский Билль о правах жертв 2015 г. дает жертвам преступлений право: к информации; для защиты; участвовать в уголовном судопроизводстве; и добиваться реституции. Он распространяется на преступления, совершаемые в Канаде. Его положения также применяются, если преступление расследуется в Канаде или если преступник отбывает наказание, или условно освобождается в Канаде. Необходимо отметить, что в большинстве провинциальных юрисдикций Канады существуют свои законодательные акты и программы по защите прав жертв преступлений [6, с. 65]. Так, например, с 1998 г. большинством канадских провинций и территорий, были приняты законодательные акты, направленные на защиту жертв домашнего насилия в дополнение к УК Канады [8, с. 63]. Приятие CBVR помогло стандартизировать права жертв преступлений во всей Канаде, а в некоторых случаях расширить или дополнить существующие провинциальные права потерпевших. Все это во многом подтверждает утверждения отечественных ученых о четко выраженной тенденции связанной с развитием виктимологической профилактики за рубежом [4, с. 63].

Также можно отметить, что еще в конце прошлого столетия в Канаде начали функционировать многочисленные службы, помогающие жертвам, пережившим различные виды насилия [2, с. 143]. В 1993 г. первой в мире эта страна проводит национальный опрос по проблемам насилия в отношении женщин, и по ее инициативе Генассамблеей ООН принимает Декларацию об искоренении насилия в отношении женщин³. За последние двадцать лет нового тысячелетия все юрисдикции Канады

¹ The Canadian Victims Bill of Rights—Information for Victim Services. URL: <https://www2.gov.bc.ca/assets/gov/law-crime-and-justice/criminal-justice/victims-of-crime/vs-info-for-professionals/training/cvrb-chart-infor-for-victim-services.pdf> (дата обращения: 30.01.2021).

² Who is a victim of crime URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/cj-jp/victims-victimes/rights-droits/who-qui.html> (дата обращения: 30.01.2021).

³ Резолюция 48/104 Генеральной Ассамблеей ООН «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин» (принята 20.12.1993 на 85-ом пленарном заседании 48-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2021).

добились значительных успехов в развитии обеспечения прав жертв преступлений. Начиная с эффективных программ, осуществляемых неправительственными организациями, и заканчивая услугами, предоставляемыми полицией, судебной системой, и новыми расширенными программами, предоставляемыми правительственными организациями. И несмотря на то, что в соответствии с канадским законодательством, жертва преступления не является стороной уголовного процесса, сегодня она играет важную роль в процессе уголовного правосудия. Показания жертв, как свидетелей противоправных деяний, являются очень важной частью обвинительного процесса против виновного в совершении преступления.

Список литературы

1. Волосова, Н. Ю. Некоторые проблемы защиты прав потерпевших / Н. Ю. Волосова // Социально-политические науки. — 2018. — № 2. — С. 201—203.
2. Забелина, Т. Ю. Российско-канадские проекты по борьбе с насилием в отношении женщин / Т. Ю. Забелина // Россия и Канада: возможности для сотрудничества : сборник научных материалов. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 142—149.
3. Майоров, А. В. Международный опыт защиты жертв преступлений / А. В. Майоров // Наука ЮУрГУ : материалы 66-й научной конференции. — 2014. — С. 1726—1731.
4. Майоров, А. В. Общество и преступность: зарубежный опыт виктимологического воздействия / А. В. Майоров, А. А. Хашимов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2017. — № 1 (38). — С. 62—72.
5. Новицкий, А. А. Обстоятельства, отягчающие наказание по уголовному законодательству отдельных стран Европы и Северной Америки / А. А. Новицкий // Лучшая научная статья 2020 : сборник статей XXXIV Международного научно-исследовательского конкурса. — Пенза, 2020. — С. 82—85.
6. Сливко, Н. К. Об опыте возмещения вреда потерпевшим от преступлений в Канаде и Австралии / Н. К. Сливко // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2020. — № 1 (50). — С. 63—68.
7. Сулейманова, С. Т. Эволюция целей наказания в уголовном праве России и Канады / С. Т. Сулейманова // Lex Russia (Русский закон). — 2016. — № 7 (116). — С. 103—115.
8. Чернухина, Л. С. Соотношение федерального и провинциального законодательства Канады в области защиты детей от домашнего

насилия / Л. С. Чернухина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2016. — № 6 (61). — С. 120—125.

9. Яшин, А. В. Некоторый зарубежный опыты защиты участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств / А. В. Яшин // Международный журнал экспериментального образования. — 2015. № 11-4. — С. 579—581.

10. Marie Manikis Imagining the Future of Victims' Rights in Canada: A Comparative Perspective // Ohio State Journal of Criminal Law. — 2015. — № 13:1. — 163—186.

Наркопреступность: виктимологическая составляющая в зеркале минувшего десятилетия

Воронин Ю. А.

доктор юридических наук, профессор

Южно-Уральский государственный университет

(национальный исследовательский университет)

г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: voroninya@yandex.ru.

Аннотация. Наркомания и связанная с ней наркопреступность, несомненно, относятся к числу острейших криминологических и виктимологических проблем. Анализ наркоситуации (включая наркопреступность), а также динамики ее развития в минувшее десятилетие, показывают, что реформы профилактической направленности, осуществленные за время действия «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2020 г.», обладая значительным положительным потенциалом, все же не смогли кардинально изменить ситуацию.

Ключевые слова: наркомания, наркопреступность, виктимологический анализ.

Для цитирования: Воронин, Ю. А. Наркопреступность: виктимологическая составляющая в зеркале минувшего десятилетия / Ю. А. Воронин // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 13—18.

Drug Crime: the Victimological Component in the Mirror of the Past Decade

Voronin Yu. A.

Doctor of Law Science, Professor

South Ural State University (National Research University)

Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: voroninya@yandex.ru.

Abstract. Drug addiction and related drug crime are undoubtedly among the most acute criminological and victimological problems. The analysis of the drug situation (including drug crime), as well as the dynamics of

its development over the past decade, shows that the preventive reforms implemented during the “Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2020”, while having significant positive potential, still failed to radically change the situation.

Keywords: drug addiction, drug crime, victimological analysis.

1. Наркомания (как опаснейшая разновидность отклоняющегося поведения) и связанная с ней наркопреступность, несомненно, относятся к числу острейших криминологических и виктимологических проблем. Практически все виды незаконных действий с наркотическими веществами (и их прекурсорами) — изготовление, посев, выращивание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка с целью и без цели сбыта, склонение к их потреблению, нарушения их учета, отпуска и т. д. — уголовно наказуемы. Употребление наркотиков, т. е. средств растительного или синтетического происхождения, приводящих к одурманиванию, к состоянию эйфории, и комплекс связанных с этим негативных последствий составляют современную проблему наркомании в широком смысле, имея в виду медицинские, правовые, нравственные и иные ее аспекты. Особенно отчетливо продемонстрировало остроту проблемы наркомании в России минувшее десятилетие. Жизнь показала, что замалчивание складывающейся ситуации лишь обостряло бы ее трагизм. Ведь только по данным антинаркотических комиссий в субъектах Российской Федерации, в орбиту наркомании вовлечено 1,9 млн человек [1]. По мнению же специалистов, изучающих эту проблему, реальное число наркоманов в стране в разы больше. Вследствие несовершенства официальной статистики, даже органы уголовной юстиции не обладают точными и достоверными данными, характеризующими данное явление. Экспертам при расчете тех или иных показателей приходится прибегать к дополнительным методам, в частности, к экстраполированию.

В любом случае, очевидно главное: наркомания затронула все слои российского общества — рабочих, служащих, интеллигенцию. Велика доля выходцев из благополучных и так называемых элитарных семей. Причем, 85 % наркоманов — это молодые люди в возрасте от 16 до 35 лет, половина из них — двадцатилетние. А первое потребление наркотических веществ, по данным специалистов ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, все чаще относится к возрасту 13—14 лет. Именно за счет вовлеченности лиц подростково-юношеского и молодого возраста распространенность наркомании приобретает «пандемический» характер. Взрослых наркоманов

значительно меньше, поскольку у этой категории людей велика смертность, и до зрелого и пожилого возраста многие просто не доживают. Эта печальная динамика только набирает обороты: число умерших от потребления наркотиков в Российской Федерации в 2019 г. превысило 4,6 тыс. человек, по сравнению с 3,7 тыс. в 2011 г. [1].

Демонстрируемая общая динамика роста контингента наркоманов закономерна еще и потому, что их характерной особенностью является постоянное стремление к вовлечению в свои ряды все новых и новых лиц. Они постоянно группируются в своеобразные «клубы по интересам» со своими лидерами, своим «уставом» и общей заботой о добычании «зелья». И поэтому, несмотря на усилия общества и государства ужесточить контроль за наркоманами и стабилизировать ситуацию в стране, число их все же продолжает расти. Одновременно, происходит это и за счет тех, кто переходит к потреблению трудно контролируемых наркотиков, а также так называемых токсикоманов — лиц, злоупотребляющих химическими, биологическими, лекарственными веществами, которые вызывают привыкание к ним, но не признаны законодательством и международными конвенциями в качестве наркотических.

Одновременно, обостряется криминогенный характер проблемы. Не случайно, развитие упомянутой тенденции в анализируемой сфере иллюстрируют аналитические выкладки, содержащиеся в официально опубликованной «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.», утвержденной Указом Президента РФ от 23.11.2020 г. № 733 [1]. В ней, в частности, подчеркивается, что за период осуществления предыдущей стратегии антинаркотической политики с 2010 по 2020 г. было зарегистрировано более 2 млн. преступлений, связанных с оборотом наркотиков, более 72 % (1,5 млн) из которых — тяжкие и особо тяжкие. Однако исследования показывают, что фактически правоохрнительными органами регистрируется только около трети преступлений, связанных с наркотиками. Но даже с учетом этого обстоятельства, показательно, что при снижении общего числа осужденных к лишению свободы в Российской Федерации за минувшее десятилетие на 40 %, количество, отбывающих этот вид наказания за совершение преступлений, связанных с наркотиками, сократилось лишь на 3 %. При этом, по-прежнему, более 30 % всего контингента лишенных свободы лиц отбывают наказание за наркопреступления [1].

Показательно также, что даже названные цифры не отражают реальной остроты ситуации. Ведь, помимо искажения статистических данных, необходимо учитывать и то, что для наркопреступности

характерен чрезвычайно высокий уровень латентности. В результате сейчас фактически выявляется не более 7—9 % действительного числа лиц, вовлеченных в криминальный оборот наркотиков. В особенности это касается наркопреступности корыстного характера в виде вымогательства, краж, грабежей, разбоя в стремлении любыми путями добыть средства для приобретения наркотиков. Исключение, пожалуй, составляют насильственные общественно опасные деяния (убийства, тяжкий вред здоровью и т. д.), совершенные их субъектами в состоянии наркотического опьянения или, наоборот, голодания (абстиненции), которые в большинстве своем все-таки регистрируются и расследуются.

2. Что же касается ряда объективных и субъективных обстоятельств, лежащих в причинно-мотивационной основе анализируемого явления и обостривших в целом проблему наркомании, включая также рост наркопреступности, в минувшее десятилетие, то базовым для их объяснения в исследованиях социологов и криминологов стал термин «гедонизм». Он означает гипертрофированное желание получить удовольствие, причем, не только в физиологическом и эмоциональном его значении, а прежде всего — в социальном. Духовный инфантилизм, тяга к «запретному плоду», помноженные на скорости века — именно это привело к наркомании три четверти обследованных лиц. В свою очередь, очевиден тот факт, что у значительной части молодежи семья и общество не сумели воспитать сознание необходимости оплачивать свое социальное благополучие собственным трудом. Психология иждивенчества не могла не привести к отключению от действия, к так называемому «баддению», к возведению этого состояния в культ. При этом атрофируется естественный импульс к жизни, разрываются эмоциональные связи, рождается стремление к искусственному взбадриванию наркотическими средствами.

Тесно связанным с предыдущим обстоятельством является потеря значительной частью молодежи в минувшее десятилетие социальных надежд и перспектив, неумение и нежелание за них бороться, раздражение и оппозиция по отношению к обществу. Не случайно в этой связи, появление разновидности так называемых «идейных наркоманов». Это — люди, бегущие от сложностей реального бытия. Их интеллектуальная энергия переключена на увлечение теориями, несущими неверие в возможность сделать социальную жизнь гармоничной. И этому «уходу» в опасную область галлюцинаций идеально способствует наркотическое опьянение.

И еще один существенный негативный момент — сохраняющаяся слабость антинаркоманной пропаганды, не позволяющая общественному организму вырабатывать социальный иммунитет.

По данным исследований, 90 % лиц, впервые потянувшихся к наркотикам, просто не знали в достаточной мере о вполне конкретных пагубных последствиях их потребления. В результате наступают психологическая и физическая зависимости, которые развиваются при приеме наркотиков в 15—20 раз быстрее, чем при алкоголизме. Выше перечисленные обстоятельства, а также общая деградация личностисубъектов, потребляющих наркотики, в значительной степени явились определяющими для негативной динамики наркомании за последние десять лет, хотя онидалеко не исчерпывают всю палитру факторов, в немалой степени способствовавших обострению анализируемой проблемы.

3. Таким образом, на наш взгляд, есть основания констатировать следующее. Анализ наркоситуации (включая наркопреступность) и ее подоплеку, а также динамика ее развития в минувшее десятилетие, показывают, что реформы профилактической направленности, осуществленные за время действия «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2020 г.» [2], обладая значительным положительным потенциалом, все же не смогли кардинально изменить ситуацию.

В этой связи совершенно очевидно, что главной целью нынешнего принятия «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.» является формулированиеи последующая реализация мер, призванных добиться изменений к лучшему. Что касается первоочередных мер, необходимых для стабилизации ситуации в предстоящее десятилетие, то авторы новой Стратегии формулируют достаточно широкий перечень, способных, на их взгляд, принести реальные результаты. Речь идет прежде всего о мерах профилактических, носящих комплексный характер и предполагающих повышение активности всех звеньев системы социального и государственного контроля над распространением наркомании и наркопреступности. Так, в перечне профилактических задач, сформулированных в новой Стратегии, приоритетная роль принадлежит:

- решению вопросов оперативного выявления, лечения и социальной реабилитации наркоманов;
- усилению соответствующего финансирования и кадрового обеспечения вышеперечисленных мер.

Авторы новой Стратегии подчеркивают также, что, помимо чисто профилактических, важными задачами, подлежащими решению в предстоящий десятилетний период, являются:

- дальнейшее укрепление сети специализированных подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков;
- развитие такой законодательной базы, которая более четко определяла бы параметры и пределы целесообразности применения административной и уголовной ответственности субъектов наркобизнеса.

В заключении, на наш взгляд, уместно констатировать следующее. На пути противодействия наркотизму и связанной с ним наркопреступности стоят огромные трудности. Научные специалисты и практические работники соответствующих структур наркоконтроля справедливо считают, что акцент на профилактическую составляющую в содержании «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года» вселяет надежду на гораздо большую эффективность ее реализации, по сравнению с предыдущей государственной программой.

Список литературы

1. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. : утверждена Указом Президента РФ от 23.11.2020 г. № 733 // СПС «Гарант.ру» (дата обращения: 23.12.2020).
2. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2020 г. : утверждена Указом Президента РФ от 09.06. 2010 г. № 690 // Российская газета. — 2010. — 15 июня.

Некоторые вопросы защиты имущественных прав потерпевших

Гаврилов М. А.

Казанский юридический институт (филиал)

Университет прокуратуры РФ

г. Казань, Российская Федерация

E-mail: gma2004@rambler.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обеспечения имущественных прав скончавшегося потерпевшего. Учитывая, что одним из способов защиты имущественных прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве является предъявление гражданского иска, рассматривается тема перехода процессуальных прав гражданского истца. В статье приведен анализ отдельных судебных решений, связанных с разрешением гражданского иска в случае смерти потерпевшего не в связи с совершенным преступлением, на основе чего выработаны практические предложения.

Ключевые слова: потерпевший, гражданский истец, гражданский иск, смерть потерпевшего, смерть гражданского истца.

Для цитирования: Гаврилов, М. А. Некоторые вопросы защиты имущественных прав потерпевших / М. А. Гаврилов // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 19–24.

Some Issues of Property Rights Protection Victims' Rights

Gavrilov M. A.

Kazan Law Institute (branch)

*University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation*

Kazan, Russian Federation

E-mail: gma2004@rambler.ru.

Abstract. the article deals with the issues of ensuring the property rights of the deceased victim. Given that one of the ways to protect the property rights of victims in criminal proceedings is filing a civil lawsuit, discusses

transition procedural rights civil plaintiff. The article provides an analysis of individual court decisions related to the resolution of a civil claim in the event of the victim's death not in connection with the crime committed, on the basis of which practical proposals are developed.

Keywords: victim, civil plaintiff, civil claim, death of the victim, death of the civil plaintiff.

Уголовное судопроизводство Российской Федерации имеет своим назначением, в том числе, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные указанной статьей, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников.

По вопросу процессуального положения лиц, вступающих в процесс после смерти потерпевшего, ведется научная полемика. Одни ученые выступают за признание близких родственников потерпевшими [6, с. 12; 8, с. 9, 13; 9, с. 175—179], вторые предлагают считать их представителями потерпевшего [2, с. 52—54; 3, с. 21—25], третьи — заинтересованными лицами [7, с. 14], четвертые — опосредованными потерпевшими [5, с. 80], а пятые — правопреемниками потерпевшего [1, с. 80]. Последняя точка зрения представляется нам наиболее обоснованной.

Формальное название данного участника уголовного процесса не имеет принципиального значения, т. к. определяющими являются сущностные признаки, которые характеризуют фактическое положение лица.

По нашему мнению, в случаях, когда в результате преступления наступила смерть лица — потерпевшего от преступления, его права на доступ к правосудию должны быть реализованы через институт правопреемства.

На практике также имеют место случаи, когда смерть потерпевшего наступила не в связи с совершенным преступлением, а по другим причинам, а предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу еще не завершено. Действующее законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих переход прав потерпевшего в таких случаях. По нашему мнению, здесь должен

применяться такой же подход, т. е. права скончавшегося потерпевшего должны переходить к иным лицам, заинтересованным в рассмотрении уголовного дела.

В этой связи одним из вопросов, требующих разрешения является судьба имущественных прав потерпевших, скончавшихся не в связи с совершенным преступлением, и интересов их правопреемников.

Одним из способов защиты имущественных прав потерпевших является предъявление гражданского иска к лицу, совершившему преступление, в рамках уголовного судопроизводства.

В теории уголовного процесса, как и по большинству уголовных дел, гражданским истцом признается потерпевший, заявивший гражданское требование о возмещении ущерба, причиненного преступлением, т. е. одно и то же лицо признается и потерпевшим, и гражданским истцом по уголовному делу.

В случае смерти такого лица его процессуальные права как потерпевшего переходят к правопреемникам. А могут ли к нему перейти права гражданского истца?

Анализ судебной практики показывает, что суды в таких случаях поступают по-разному. Например, приговором районного суда, оставленным без изменений апелляционной инстанцией, К. осуждена за кражу имущества Б., с причинением ему значительного ущерба. Потерпевший Б., признанный гражданским истцом, умер. В этой связи суд пришел к выводу о необходимости прекращения производства по гражданскому иску. При этом суд мотивировал свое решение тем, что согласно п. 2 ст. 17 ГК РФ и ст. 37 ГПК РФ правоспособность и гражданская процессуальная дееспособность гражданина прекращаются с его смертью, а в соответствии с абз. 7 ст. 220 ГПК РФ суд прекращает производство по делу в случае, если после смерти гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемство¹.

В другом аналогичном случае апелляционная инстанция приговор в части решения по гражданскому иску потерпевшего отменила с передачей на новое судебное рассмотрение в тот же суд в порядке гражданского судопроизводства².

¹ Приговор Дальнереченского районного суда Приморского края от 12 декабря 2019 г. по уголовному делу № 1-167/2019. URL: https://dalnerechensky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20873113&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 08.01.2021).

² Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 2 марта 2017 г. по уголовному делу № 22-18/2017. URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7949649&delo_id=4&new=0&text_number=1 (дата обращения: 08.01.2021).

Суды при рассмотрении заявленных в уголовном судопроизводстве гражданских исков, как правило, не рассматривают вопросы правопреемства гражданского истца, хотя право на возмещение имущественного вреда может переходить по наследству.

Так, приговором Гагаринского районного суда г. Севастополя Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, а И. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ¹. Указанные лица совершили грабеж в отношении С., который до постановления приговора скончался по причине, не связанной с совершенным в отношении него преступлением. Однако суд взыскал с осужденных солидарно в пользу скончавшегося С. денежные средства в счет возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Судебная коллегия по уголовным делам Севастопольского городского суда, отменяя названный приговор в части разрешения гражданского иска, указала, что в соответствии со ст. 44 ГПК РФ в случае выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина), суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Вышеуказанное обстоятельство препятствовало суду первой инстанции в разрешении гражданского иска потерпевшего о взыскании материального ущерба, поскольку требует разрешения вопроса о процессуальном правопреемстве, который входит в компетенцию суда первой инстанции. Судебная коллегия пришла к выводу, что принятое по делу судебное решение в части разрешения гражданского иска потерпевшего о взыскании с осужденных материального ущерба нельзя признать законным и обоснованным, оно подлежит отмене, уголовное дело в этой части направлению в суд первой инстанции для разрешения вопроса о процессуальном правопреемстве истца². В дальнейшем, рассматривая гражданский иск С., суд первой инстанции установил, что после смерти истца, заведено наследственное дело, с заявлением о принятии наследства обратилась супруга скончавшегося. Она признана правопреемником гражданского истца и в ее пользу с осужденных взыскана заявленная сумма³.

¹ Приговор Гагаринского районного суда г. Севастополя от 18 апр. 2018 г. по уголовному делу № 1-91/2018. URL: https://gagarinskiy--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19330051&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2021).

² Апелляционное определение Севастопольского гор. суда от 2 авг. 2018 г. по уголовному делу № 22489/18. URL: https://gs--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4015304&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2021).

³ Решение Гагаринского районного суда г. Севастополя от 29 нояб. 2018 г. по гражданскому делу № 2-3084/2018. URL: https://gagarinskiy--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19331933&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2021).

А. В. Казакова обоснованно полагает, что подача требований наследниками умершего потерпевшего в рамках уголовного дела позволит сэкономить время и силы и удовлетворит иски о возмещении ущерба, которые, согласно ст. 1112 ГК РФ, тоже входят в наследственную массу [4, с. 38—40].

По нашему мнению, переход прав гражданского истца к другим лицам возможен. Однако не во всех ситуациях это право может перейти к правопреемникам. Ведь, если правопреемник потерпевшего не является его наследником и не приобрел имущественные права скончавшегося в порядке наследования, возмещение ему имущественного вреда от преступления будет являться неосновательным обогащением, т. е. приобретением имущества за счет другого лица без каких-либо правовых оснований в гражданско-правовом смысле (ст. 1102 ГК РФ).

Таким образом, правопреемство гражданского истца в уголовном судопроизводстве допустимо, но только при наличии оснований, предусмотренных гражданским законодательством, для перехода имущественных прав от правопрédéшественника к правопреемнику.

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» рассмотрел многие вопросы, связанные с гражданским иском в уголовном судопроизводстве. Однако вопрос правопреемства гражданского истца остался не разрешенным. Полагаем, что мнение высшей судебной инстанции по этому вопросу исключило бы разные подходы судов при рассмотрении вопросов правопреемства гражданского истца, что в конечном счете способствовало бы обеспечению имущественных прав потерпевшего.

Список литературы

1. Василенко, Л. А. Производство по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Василенко Людмила Александровна. — Омск, 2005. — 253 с.
2. Воронин, В. В. Возможно ли примирение сторон в случае гибели потерпевшего? / В. В. Воронин // Уголовный процесс. — 2007. — № 2. — С. 52—54.
3. Дежнев, А. С. Определение правового статуса близких родственников лица, которому преступлением причинена смерть / А. С. Дежнев // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2012. — № 3 (46). — С. 21—25.
4. Казакова, А. В. Основания участия «чистого» гражданского истца в уголовном процессе Российской Федерации / А. В. Казакова // Администратор суда. — 2019. — № 2. — С. 38—40.

5. Николаев, М. В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публичного и частно-публичного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Николаев Максим Владимирович. — Кемерово, 2008. — 226 с.
 6. Парфенова, М. В. Процессуальные права потерпевшего и их реализация в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / М. В. Парфенова, Е. И. Конах. — Москва : Экзамен, 2006. — 191 с.
 7. Стражевич Ю. Н. Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.09 / Стражевич Юлия Николаевна. — Тюмень, 2008. — 30 с.
 8. Тетерина, Т. В. Проблемы обеспечения имущественных, иных прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Тетерина Тамара Васильевна. — Н. Новгород, 2004. — 25 с.
 9. Шипунова, О. В. Юридическое определение смерти в уголовном процессе / О. В. Шипунова // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2015. — № 4 (30). — С. 175—179.
-

Статус жертвы преступления. Роль прокурора в сфере защиты прав жертвы

Аникушина В. А.

Донбасская юридическая академия

E-mail: Lerocka_anikushina@mail.ru.

Научный руководитель

Голобородько В. В.

E-mail: goloborodko-1985@mail.ru.

Аннотация. В данной работе будут рассмотрены статус жертвы, а также роль прокурора в сфере защиты интересов жертвы. В статье приведены примеры правового положения жертв преступлений в различных странах.

Ключевые слова: жертва, прокурорский надзор, прокуратура, виктимология, виктимизация, гражданский иск.

Для цитирования: Аникушина, В. А. Статус жертвы преступления. Роль прокурора в сфере защиты прав жертвы / В. А. Аникушина // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 25–29.

The Status of a Crime Victim. Role of the Prosecutor in Protecting Victims

Anikushina V. A.

Donbass Law Academy

E-mail: Lerocka_anikushina@mail.ru.

Scientific supervisor

Goloborodko V. V.

E-mail: goloborodko-1985@mail.ru.

Abstract. This paper will consider the status of the victim, as well as the role of the prosecutor in the field of protecting the interests of the victim. The article provides examples of the legal status of victims of crime in various countries.

Keywords: victim, prosecutor's supervision, prosecutor's office, victimology, victimization, civil action.

Для того чтобы разобраться в рассматриваемой данной статьёй теме, нам необходимо точно знать понимать, что означает тот или иной термин. Итак, дадим определение понятию «жертва». Пункт 1 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью гласит, что жертвой является лицо, которому индивидуально или коллективно причинен вред, включая телесные или психические травмы, эмоциональное расстройство, материальный ущерб или материальный ущерб их основным правам в результате действия или бездействия, которое нарушает применимое национальное уголовное законодательство государств-членов, включая законы запрещение преступного злоупотребления властью [4].

Признание особого положения жертв ненависти является предпосылкой для удовлетворения их потребностей в процессе уголовного правосудия. Жертвы преступлений на почве ненависти могут рассматриваться отдельно от жертв других преступлений только в том случае, если система предусматривает выделение жертв преступлений на почве ненависти в качестве отдельной категории. Определение жертвы преступления на почве ненависти, используемое в этом руководстве. Жертвы преступлений на почве ненависти признаются в международных документах как отдельная категория жертв преступлений. Совет Европы отмечает, что жертвами преступлений на почве ненависти являются «жертвы определенных категорий преступлений, например преступлений, мотивированных расовыми, религиозными или другими предрассудками» [5].

В правилах определены четыре основных подхода к классификации жертв и определению различных уровней защиты. Эта классификация основана:

- 1) на выделении особо тяжких преступлений, оказывающих наиболее сильное воздействие на потерпевших;
- 2) на различении насильственных и ненасильственных преступлений;
- 3) на классификации потерпевших по степени уязвимости — в зависимости от личных характеристик или типа виктимизации;
- 4) на определении степени причиненного вреда.

Большинство правовых систем сочетают в себе несколько из этих подходов [4].

Чтобы жертвы преступлений на почве ненависти доступ к правосудию, процессуальные правила должны позволять им участвовать

в уголовном процессе и заявлять свои требования. В то же время правосудие невозможно осуществить без использования меры безопасности и оказание юридической и психологической помощи, материальная или языковая поддержка, а также другие формы защиты и помощи. Эта поддержка чрезвычайно важна для психологического восстановления потерпевшего, а также с точки зрения дееспособности потерпевшего предоставлять доказательства и участвовать в уголовном процессе [2].

Директива ЕС о правах жертв преступлений разграничивает две цели предоставления статуса жертвы. В пункте 20 Директивы упоминается «роль жертвы в соответствующих системах уголовного правосудия» (эквивалент участия жертвы в уголовном производстве), но критерии не установлены присвоение или получение соответствующего статуса. С другой стороны, в статье 2 дается определение жертвы, аналогичное определению, используемому в данном руководстве для цели защиты и поддержки.

Реализация принципа «две функции — два статуса» может означать, что в некоторых случаях статус жертвы преступления на почве ненависти будет определяться дважды: один раз — в целях защиты и поддержки, и второй раз — для обеспечения участия в уголовном процессе [3, с. 133].

В Хорватии раздел 202 Уголовно-процессуального закона содержит определения жертвы преступления на почве ненависти и потерпевшей стороны. Жертва преступления — это физическое лицо, которому был причинен ущерб непосредственно в результате преступления, а именно ущерб физическому или психическому здоровью, материальный ущерб или грубое нарушение основных прав и свобод. Жертва преступления также является супругом, гражданским супругом, партнер или неформальный партнер, наследник, а в случае отсутствия наследники — предок и брат (сестра) лица, причиной смерти которого явилось преступление, а также лицо, содержание которого последнее было обязано содержать в силу закона [3, с. 134].

В Чехии практикуется признание статуса жертвы в заявительном порядке. Рассмотрим более подробно:

Закон Чешской Республики о защите жертв преступлений (статья 3) дает следующее определение жертвы для целей защиты и поддержки: «Каждый человек, который чувствует себя жертвой преступления, должен считаться жертвой, пока не будет доказано в противном случае и если статус жертвы не злоупотреблён этим законом. Если есть сомнения в статусе особо уязвимой жертвы, человека следует считать

такой жертвой. Неспособность установить виновного или не выносить ему приговор не должны влиять на статус потерпевшего».

Статус участника судебного разбирательства или правоспособность жертвы — это возможность участвовать в уголовном процессе в качестве потерпевшей, а также заявить иски, в том числе о возмещении вреда, причиненного в результате совершения преступления. Критерии предоставления статуса участника процесса должно быть определено в соответствии с законом. Право потерпевших на участие в уголовном процессе регулируется по-разному в разных странах. В некоторых юрисдикциях жертвы

необходимо подать заявление или ходатайство, которое должно быть подтверждено должностным лицом системы уголовного правосудия (например, следователем полиции, прокурором или судом) [2].

Необходимо помнить, что одним из наиболее распространённых видов защиты пострадавших от преступлений является гражданский иск. Благодаря такому иску есть возможность компенсировать свой материальный ущерб.

Если гражданский иск по уголовному делу не предъявлен, решение о возмещении материального ущерба, причинённого преступлением, суд вправе применить по своей инициативе.

Прокурор предъявляет или поддерживает предъявляемый гражданский иск, если этого требует охрана прав граждан, государственных или общественных интересов. Предъявление гражданского иска в уголовном процессе, а также реализация права суда по своей инициативе в принять решение о возмещении материального ущерба, причинённого преступлением — важные процессуальные средства защиты имущественных прав и интересов граждан предприятий, организаций [1].

Важную роль в защите прав жертвы играет прокурорский надзор. Прокурорский надзор — это форма деятельности прокуратуры по обеспечению законности, выявлению, устранению и предупреждению нарушений закона. Прокурорский надзор, по сути, является проявлением власти органа, который в большинстве стран не принадлежит ни к одной из трех ветвей власти.

Именно благодаря добросовестному выполнению своих обязанностей прокуроры обеспечивают защиту граждан [1].

Подводя итог, можно сказать, что каждое государство по-разному формулирует понятие жертвы, некоторые даже проводят дифференциацию между жертвой и потерпевшей стороны. Однако в любой точки Земли эти термины будет объединять одно — причинённый моральный или материальный вред, что является нарушением прав

человека и гражданина. Именно прокуратура играет ключевую роль в обеспечении законности, добросовестности исполнения надлежащих приказов, обеспечивая тем самым защиту прав и интересов населения.

Список литературы

1. О прокуратуре : Закон Донецкой Народной Республики : принят Постановлением Народного Совета ДНР № 243-ІНС от 31.08.2018 (редакция 10.09.2018 г.) // Право ДНР : [сайт]. — URL: <https://pravodnr.ru/lawdnr/zakon-dnr-o-prokurature/> (дата обращения: 25.01.2021).
2. Варчук, Т. В. Виктимология: учеб. / Т. В. Варчук, К. В. Вишневецкий. — 2-е изд. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — CD-ROM. — Текст: электронный.
3. Варчук, Т. В. Виктимология : учеб. пособие / Т. В. Варчук, К. В. Вишневецкий ; под ред. С. Я. Лебедева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : ЮНИТИ, 2010. — 191 с.
4. Жертвы преступлений на почве ненависти в системе уголовного правосудия // Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). — URL: https://www.osce.org/files/f/documents/7/9/460096_0.pdf (дата обращения: 25.01.2021).
5. Одинцова, М. А. Многоликость «жертвы», или немного о Великой манипуляции (система работы, диагностика, тренинги) : учеб. пособие / М. А. Одинцова. — Москва : Флинта : МПСИ, 2010. — 250 с.

Защита интересов новорожденного при освобождении от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ

Ахматгараева Е. С.

Институт юстиции

Уральский государственный юридический университет

г. Екатеринбург, Российская Федерация

E- mail: akhmatgaraeva99@mail.ru.

Научный руководитель

Меньшикова А. Г.

кандидат юридических наук

Институт юстиции

Уральский государственный юридический университет.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы освобождения от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ; анализируется соответствие целям уголовного наказания тенденции освобождения от уголовной ответственности матери при совершении убийства новорождённого в связи с примирением с потерпевшим; изучается аспект влияния близкородственных связей подсудимого и потерпевшего; в работе рассматриваются варианты защиты прав новорождённого, а так же предлагается вариант решения выявленной проблемы: усовершенствование механизма институтов перехода и представительства прав потерпевшего по уголовным делам, пострадавшими от которых являются несовершеннолетние дети, с устранением проблемы влияния близкородственных связей на справедливость вынесенного решения.

Ключевые слова: переход прав потерпевшего, освобождение от уголовной ответственности, статья 106 УК РФ.

Для цитирования: Ахматгараева, Е. С. Защита интересов новорожденного при освобождении от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ / Е. С. Ахматгараева // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 30–39.

Protection of the Interests of a Newborn When Being Released From Criminal Liability for Committing a Crime Under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation

Akhmatgaraeva Ye. S.

*Institute of Justice, Ural State Law University
Yekaterinburg, Russian Federation
E- mail: akhmatgaraeva99@mail.ru.*

Scientific supervisor

Menshikova A. G.

*Candidate of Law Science
Institute of Justice, Ural State Law University.*

Abstract. In the article the questions of exemption from criminal responsibility for committing a crime under article 106 of the criminal code; examines the compliance with the goals of criminal punishment trends of exemption from criminal responsibility in the Commission of murder of the newborn in connection with reconciliation with the victim; studied aspect of the effect of closely links the defendant and the victim; the work deals with the protection of the rights of the newborn, and offers solutions to the problems identified: improvement of the mechanism of the transition institutions and representative offices of the rights of the victim in criminal cases, the victims of which are minor children, with the elimination of the influence of closely links to the justice of the award.

Keywords: transfer of the rights of the victim, exemption from criminal liability, Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Анализируя судебную практику по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, мое внимание привлекли дела, в которых матери совершили покушение на убийство новорожденного ребенка, а в ряде дел даже убили младенца, то есть преступление было окончено, но при этом виновные лица оставались безнаказанными в связи с примирением с потерпевшим в соответствии со статьей 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ)¹. Например, в деле № 1-58/2018 Динского районного суда Краснодарского

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019). Российская газета. 2001. 22 дек. (№ 249).

края, когда женщина удушила и выбросила своего новорожденного ребенка, а ее супруг (представитель потерпевшего) обратился в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела в отношении его супруги Г. по ст. 25 УПК РФ в связи с примирением с подсудимой, указав, что «Г. принесла свои извинения, искренне раскаялась в содеянном, полностью загладила причиненный преступлением моральный вред, каких-либо претензий материального или морального характера к подсудимой не имеет. Настаивал на прекращении уголовного дела»¹. И суд прекратил уголовное дело. Аналогичную позицию мы можем наблюдать и в приговоре № 1-113/2017 Юргинского городского суда Кемеровской области², с одним отличием, что в данном случае преступление еще не было окончено по независящим от подсудимой обстоятельствам.

На мой взгляд, имеет место субъективизм и ранее сложившиеся отношения между матерью и представителями потерпевшего (новорожденного), которыми чаще всего признаются близкие родственники подсудимой: муж, мать, отец и пр., которые подменяют собой принцип справедливости назначения уголовного наказания, позволяя матери убивать собственного ребенка и оставаться безнаказанной. Решение суда оспаривать почти всегда никто не будет, так как стороны примирились. Можно отметить лишь один показательный случай: женщина родила и убила собственного ребенка, ее мать была признана потерпевшей по делу и стороны примирились, но благодаря действиям прокурора, суд в кассационной инстанции постановление отменил, и «в конечном итоге суд приговорил Б. к двум годам лишения свободы условно...»³.

Но попробуем все же разобраться, как именно закон в данном случае позволяет смягчать наказание. Во-первых, стоит отметить, что применение положения статьи 76 УК РФ в суде носит факультативный характер, ведь как отмечает Д. В. Савельев «При факультативном освобождении правоприменительные органы могут освободить виновных от уголовной ответственности, то есть это их право, а не обязанность» [4, с. 84]. Во-вторых, для того, чтобы суд мог воспользоваться данным правом, необходима совокупность четырех факторов:

¹ Постановление Динского районного суда Краснодарского края № 1-58/2018 от 22.03.2018 г. // Судебные решения РФ. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/33311222> (дата обращения: 01.03.2021).

² Постановление Юргинского городского суда Кемеровской области № 1-113/2017 от 17.05.2017 г. // Судебные решения РФ. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/27319684> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Во Владимирской области осуждена местная жительница за убийство своего новорожденного ребенка // Генпрокуратура РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-71129/> (дата обращения: 30.09.2020).

1. Лицо совершило преступление впервые;
2. Совершено преступление небольшой и средней тяжести (преступление, предусмотренное статьей 106 УК РФ, является преступлением средней тяжести, так как санкция предусматривает лишение свободы до пяти лет);
3. Лицо примирилось с потерпевшим (в соответствии с п. 8 статьи 42 УПК РФ «права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц...»);
4. Причиненный потерпевшему вред должен быть заглажен (в соответствии с ППВС РФ «к лицам, совершившим преступления, последствием которого явилась смерть пострадавшего, в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ права потерпевших переходят к одному из близких родственников погибшего»¹, которые в дальнейшем в порядке гражданского судопроизводства истребует компенсацию морального вреда).

Все вышеперечисленное показывает, что вынесение решения суда об освобождении от ответственности за совершение деяния, предусмотренного статьей 106 УК РФ, в связи с примирением с потерпевшим законно. Но, с моральной точки зрения, с точки зрения исправления преступника, осознания им противоправности совершенного деяния — в данном случае говорить не приходится. Я считаю, данное прекращение дела противоправным, так как в основе лежит «сговор» подсудимого и правопреемника потерпевшего.

Аналогичную позицию занимает и А. Петров, который пишет, что «преступления, последствием которого является смерть человека, нанесит не поддающимися адекватному возмещению вред охраняемым уголовным законом интересам как человека и гражданина, так общества и государства в целом» [2, с. 50].

С. В. Проценко считает, что «такие тенденции на практике не способствуют предупреждению со стороны других лиц, но и влекут негативные последствия, поскольку порождают в неустойчивых лицах чувство надежды на то, что уголовной ответственности вполне можно избежать, даже умышленно лишая жизни другого человека» [3, с. 18].

Интересным представляется мнение Д. А. Гарбатовича [1], который исходит из психотравмирующей обстановки, так, «если психотравмирующая ситуация возникла вследствие противоправных, аморальных действий родственников, травли женщины с их стороны по причине нежелания этого ребенка, считаем, что в данном случае

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего порядок и основания освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 года № 19 // Российская газета. 2013. 5 июля (№ 145).

нельзя освобождать женщину от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, так как родственники, муж, по сути, будут рады произошедшему событию», но в случае возникновения психотравмирующей ситуации по другим причинам (психика женщины может быть травмирована сообщением о гибели отца ребенка, родных, незаконным увольнением с работы по мотивам беременности, отсутствием средств к существованию [5, с. 42]) примирение с потерпевшим возможно.

Ведь как указано в проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации «гуманизм уголовного права не должен входить в противоречие с требованиями социальной и криминологической обоснованности уголовного законодательства»¹, а данная тенденция формирует неправильные представления, дает надежду людям избежать уголовного наказания. На основании того, что мною ранее в качестве определяющего обстоятельства было указано на «сговор» подсудимого (матери) и правопреемников потерпевшего (близких родственников матери), я хотела бы предложить решение данной проблемы через нормы семейного права. В соответствии со статьей 56 СК РФ защита прав ребенка осуществляется «родителями (лицами их заменяющими), органам опеки и попечительства, прокурором и судом», при этом «при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителем обязанности по воспитанию детей... ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд»². Но в рассматриваемом нами вопросе ребенок либо мертв, либо является младенцем, на которого совершено покушение, и сам обратиться ни в суд, ни в орган опеки и попечительства не может, но кто-то же обязан защитить его права. Я считаю, что в данной ситуации именно орган опеки и попечительства должен представлять интересы ребенка в суде, поскольку, исходя из СК РФ бабушки, дедушки и другие близкие родственники не рассматриваются в качестве лиц, которые могут защитить права ребенка, потому что их близкородственные связи с родителями малыша могут иметь приоритет над интересом несовершеннолетнего.

В связи с чем, для решения проблемы конфронтации научных и практических воззрений, считаю необходимым внести изменения в положение части 8 статьи 42 УПК РФ в следующей редакции — «по уголовным

¹ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации (проект) // Общественная палата Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 20.09.2020).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Таблица 1

Таблица сравнительного анализа выборки уголовных дел по статье 106 УК РФ за период с 2013 по 2020 год

Решение суда	Потерпевший	Наказание
Определение Владимирского областного суда № 22-573/2019 от 28.02.2019 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г.
Определение Курганского областного суда № 22-1385/2013 от 13.06.2013 г.	Н. — ООиП	ЛС 2 г.
Определение Новосибирского областного суда № 22-5937/2016 от 05.09.2016 г.	Н. — Б. род.	ЛС 1 г.
Определение Свердловского областного суда № 22-5519/2018 от 03.07.2018 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г. 10 м.
Постановление Брянского областного суда № 22-662/2017 от 20.04.2017 г.	Н. — Б. род.	ОС 3 г. 6 м.
Постановление Верховного Суда Республики Дагестан № 22К-2059/2016 от 28.10.2016 г.	Н. — Б. род.	Рассм.
Постановление Динского районного суда Краснодарского края № 1-58/2018 от 22.03.2018 г.	Н. — Б. род.	Примир.
Постановление Юргинского городского суда Кемеровской области № 1-113/2017 от 17.05.2017 г.	Н. — Б. род.	Примир.
Приговор Александровского районного суда Ставропольского края № 1-86/2016 от 26.08.2016 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г.

Продолжение таблицы 1

Решение суда	Потерпевший	Наказание
Приговор Балашовского районного суда Саратовской области № 1-173/2015 от 21.10.2015 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г.
Приговор Бийского городского суда Алтайского края № 1-102/2018 от 07.03.2018 г.	Н. — ООиП	ЛС 1 г. 6 м.
Приговор Богучарского районного суда Воронежской области № 1-40/2018 от 27.02.2018 г.	Н. — Б. род.	ЛС 1 г. 6 м.
Приговор городского суда г. Богданович Свердловской области № 1-118/2018 от 30.07.2018 г.	Н. — Б. род.	ОС 3 г.
Приговор Заринского районного суда Алтайского края № 1-50/2016 от 23.05.2016 г.	Н. — Б. род.	ЛС 1 г. 6 м. Услов. 1 г. 10 м.
Приговор Кетовского районного суда Курганской области № 1-102/2019 от 07.03.2019 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г.
Приговор Краснобаковского районного суда Нижегородской обл. № 1-8/2016 (1-67/2015) от 01.02.2016 г.	Н. — Б. род.	ЛС 1 г. 9 м.
Приговор Кумторкалинского районного суда Республики Дагестан № 1-54/2018 от 10.07.2018 г.	Н. — Б. род.	ОС 2 г.
Приговор Мариинско-Посадского районного суда Чувашии № 1-75/2015 от 07.10.2015 г.	Н. — Б. род.	ОС 2 г.
Приговор Нововоронежского городского суда Воронежской области № 1-66/2018 от 25.06.2018 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г.

Окончание таблицы 1

Решение суда	Потерпевший	Наказание
Приговор Одинцовского городского суда Московской области № 1-734/2018 от 14.08.2018 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г.
Приговор Островского районного суда Костромской области № 1-59/2018 от 04.09.2018 г.	Н. — Б. род.	ЛС 1 г. 6 м.
Приговор Свердловского районного суда г. Красноярск № 1-89/2017 (1-818/2016) от 31.10.2016 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г.
Приговор Тулунского городского суда Иркутской области № 1-289/2016 от 10.11.2016 г.	Н. — Б. род.	ЛС 1 г. 10 м.
Приговор Ужурского районного суда Красноярского края № 1-12/2016 (1-229/2015) от 03.02.2016 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г.
Приговор Центрального районного суда г. Челябинск № 1-72/2016 (1-709/2015) от 16.12.2015 г.	Н. — Б. род.	ЛС 10 м.
Приговор Ялуторовского районного суда Тюменской области № 1-161/2016 от 04.07.2016 г.	Н. — Б. род.	ЛС 2 г.
Н. — новорожденный Б. род. — близкие родственники ООиП — Орган опеки и Попечительства Рассм. — дело находится на рассмотрении Примир. — дело прекращено за примирением сторон ОС — ограничение свободы ЛС — лишение свободы		

делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников, а при совершении преступления против несовершеннолетнего его родителями (лицами их заменяющими) — органам опеки и попечительства».

Мы считаем, что введение такой меры позволит обеспечить справедливость наказания, назначаемого по статье 106 УК РФ. Как показывает анализ правоприменительной практики, именно орган опеки и попечительства в 8 % рассмотренных мною дел (табл. 1) признавался в качестве потерпевшего. При этом в таких делах матери-убийцы не являются «круглыми» сиротами, у них есть муж, мама и другие родственники¹; а самое главное наказание за совершенное деяние в делах с таким представительством на стороне потерпевшего связано с реальным лишением свободы в отношении обвиняемой. Я считаю, такая «процессуальная замена» позволит избежать так называемого «субъективизма» и «сговора» лиц при рассмотрении дел по статье 106 УК РФ, что будет способствовать реализации принципа справедливости уголовного законодательства.

Список литературы

1. Гарбатович, Д. А. Освобождение от уголовной ответственности на основании примирения с потерпевшим при убийстве матерью новорожденного ребенка / Д. А. Гарбатович // Журнал российского права. — 2015. — № 2 (218). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-na-osnovanii-primireniya-s-poterpevshim-pri-ubiystve-materyu-novorozhdenno-go-rebenka> (дата обращения: 02.10.2020).
2. Петров, А. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности / А. Петров // Законность. — 2010. — № 11. — С. 50—51
3. Проценко, С. В. О необходимости внесения коррективов в нормы, регламентирующие освобождение от ответственности / С. В. Проценко // Российский следователь. — 2011. — № 12. — С. 18
4. Савельев, Д. В. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания : учебное пособие для вузов / Д. В. Савельев. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 191 с.

¹ Приговор Бийского городского суда Алтайского края № 1-102/2018 от 07.03.2018 г. // Судебные решения РФ. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/33034399> (дата обращения: 02.10.2020).

5. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. — Москва : ИНФРА-М : Норма, 1997. — 503 с.

Виктимологическая профилактика изнасилований

Бинецкая Е. Д.

*Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова
г. Орел, Российская Федерация
E-mail: kat.binetzckaya@yandex.ru.*

Научный руководитель

Кузнецов Д. Ю.

кандидат юридических наук

Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова.

Аннотация. Статья посвящена вопросам виктимологической профилактики изнасилований в современной России. Автор рассматривает основные черты, которыми характеризуется в настоящее время отмеченный вид преступности, выделяет основные превентивные меры, давая собственную оценку эффективности различных подходов в вопросах защиты женщин от сексуального насилия.

Ключевые слова: изнасилование, виктимологическая профилактика, жертва изнасилования.

Для цитирования: Бинецкая, Е. Д. Виктимологическая профилактика изнасилований / Е. Д. Бинецкая // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 40–45.

Victimological Prevention of Rape

Binetskaya Ye. D.

*Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: kat.binetzckaya@yandex.ru
Orel, Russian Federation.*

Scientific supervisor

Kuznetsov D. Yu.

Candidate of Law Science

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Abstract. The article is devoted to the issues of victimological prevention of rape in modern Russia. The author examines the main features that currently

characterize this type of crime, identifies the main preventive measures, giving his own assessment of the effectiveness of various approaches to protecting women from sexual violence.

Keywords: rape, victimological prevention, rape victim.

В юридической литературе изнасилование традиционно рассматривается как один из основных видов половых преступлений, подразумевающий естественное половое сношение виновного с потерпевшей, с применением насилия или угрозы применения такового, либо же к другим лицам или с использованием беспомощного состояния потерпевшей¹. В преступном мире изнасилования и вовсе являются довольно обыденным и распространенным явлением.

Уголовно-правовой состав изнасилования характеризует собой высокую степень участия жертвы в создании преступной ситуации. Как правило, мотивация преступников связана именно с личностью жертвы². Количественные и качественные показатели, тяжесть последствий, а также рост интенсивности изнасилований свидетельствуют о значимости виктимологической профилактики и борьбы с данным видом преступлений.

В настоящее время проблема превенции совершения изнасилований обладает весьма многоплановыми особенностями, поэтому требует особого подхода к ее решению. В свою очередь, отмечается необходимость разработки наиболее эффективного и комплексного предупреждения данного рода преступлений³.

Изнасилования представляют собой наиболее опасную форму насильственной преступности. Уровень латентности изнасилований носит и искусственный характер, и естественный. Прежде всего, это связано с тем, что, достаточно большое количество преступлений, которые квалифицируются по статье 131 УК РФ, остаются не зафиксированными в процессуальной форме, так как потерпевшие не обращаются за помощью в правоохранительные органы с целью защиты своих прав из-за различного рода обстоятельств и причин⁴. Под такие причины и обстоятельства попадает то, что потерпевшие считают произошедшее

¹ Каменева А. Н. Общее и особенное в понятии «изнасилование» в России и зарубежных странах // Вестник Московского университета. 2008. № 1. С. 96–108.

² Варчук Т. В. Учение о жертве преступления // Юридическая психология. 2008. № 4. С. 39–42.

³ Задорожный В. И. Проблемы совершенствования организационного и правового обеспечения виктимологической профилактики преступлений // Российский следователь. 2006. № 3. С. 34–38.

⁴ Клещина Е. Н. Криминологическое учение о жертве преступления и проблемы его реализации в законодательстве и деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. д-ра юрид. наук. Москва, 2010. 64 с.

унизительным и оскорбительным, либо же расплаты со стороны преступника. Все эти факторы в свою очередь являются препятствием подачи заявлений в компетентные инстанции РФ. При этом, как известно, уголовные дела об изнасилованиях относятся к категории дел частного-публичного обвинения, то есть возбуждаются по заявлению потерпевшей стороны. Названные трудности обращения жертв изнасилований в правоохранительные органы при таких условиях делают невозможным какое-либо правовое воздействие на виновных лиц.

Как правило, в практической деятельности работа, связанная с предупреждением изнасилований, связана с выполнением задач по принятию мер воздействия на лиц, которые совершили преступное посягательство или которые склонны его совершить. Соответственно, исходя из этого, можно сделать вывод, что к жертвам изнасилования не проявляется должного внимания и они остаются вне поля зрения сотрудников правоохранительных органов. Но нужно учитывать тот факт, что жертвы изнасилований, зачастую, являются лицами, характеризующимися повышенной виктимностью¹, то есть наиболее чаще подверженные преступным посягательствам¹. При каких-либо объективных обстоятельствах или же в определенной сложившейся жизненной ситуации данные лица обладают особой предрасположенностью, а также потенциальной способностью стать именно жертвой изнасилования.

Обеспечению безопасности потенциальных жертв изнасилований способствует внедрение для их защиты системы специальных мер виктимологической профилактики. Виктимологическая профилактика складывается из определенных мер, которые направлены на снижение степени виктимности лиц среди женщин. Стоит отметить, что виктимологическая профилактика изнасилований так же учитывает проведение работы с реальными жертвами для того, чтобы смягчить последствия произошедшего, а также не допустить их повторной виктимизации².

Общая виктимологическая профилактика в настоящее время связана с тем, в каком объеме в стране проводят соответствующие социальные, культурные, экономические, а также политические преобразования. Приоритетным направлением является воспитание в отдельной личности конкретных идеалов, особого нравственного отношения ко всему окружающему, нетерпимости к актам против половой свободы и половой нравственности человека и против насилия в целом, а также повышение уровня полового воспитания молодого поколения и т. п.

¹ Николаева Ю. В. Виктимологическая профилактика преступлений: объект, субъект, правоотношения // Административное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 73—77.

² Окс Л. Е. Некоторые проблемы совершенствования правового обеспечения виктимологической профилактики преступлений // Российский следователь. 2009. № 5. С. 29—30.

Выделяя основные направления виктимологической профилактики изнасилований, важно отметить, что к основным относятся выявление и искоренение виктимогенных составляющих, профилактическое влияние на личность, которая формирует виктимную ситуацию и улучшение положения жертвы. Меры общей, групповой и индивидуальной профилактики составляют системную структуру специальных мер по противодействию изнасилованиям.

В первую очередь, к основополагающим мерам виктимологической профилактики относится анализ информации об уровне, а также динамике изнасилований, профилактика на отдельных территориях, организация предупредительной деятельности, криминологическое планирование и, конечно же, сами меры профилактического воздействия непосредственно правоохранительными органами¹.

Очевидно, что в рамках групповой виктимологической профилактики изнасилований необходимо ставить на учет неформальные группы, которые склонны к совершению такого рода преступлений. В целом данные меры должны проводиться для предупредительного воздействия.

Индивидуальная профилактика так же имеет место в деятельности по предотвращению изнасилований. Для того чтобы проанализировать и спрогнозировать возможность совершения преступлений в форме изнасилований необходимо подробное изучение лиц, которые потенциально могут стать субъектами преступного деяния².

Как правило, такими лицами могут быть те люди, которые уже имели судимость или привлекались к какому-либо виду ответственности, то есть фактически склонны к нарушению закона, а также отличающиеся агрессивным поведением и конфликтностью, склонные к совершению противоправных действий в нарушение общественного порядка и т. п.

Значение индивидуальной виктимологической профилактики раскрывается в непосредственном воздействии на потенциальных или реальных жертв изнасилований. Дополнительными данными, способствующими повышению эффективности мер индивидуальной виктимологической профилактики является учет и обобщение данных о потерпевших от изнасилований, информация о личности в целом, о ее поведении, а также роли в механизме преступного поведения³.

¹ Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Изнасилования: причины и предупреждение. Москва, 1990. С. 124.

² Рыбальская В. Я. Опыт применения факторного анализа в виктимологическом исследовании. Проблемы борьбы с изнасилованиями. Москва, 1983. 136 с.

³ Варчук Т. В. Виктимология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева. Москва : Юнити-Дана, 2008. 191 с.

Главной и основополагающей целью по виктимологической профилактике изнасилований представляется разработка и осуществление мер, которые будут направлены на снижение уровня виктимной предрасположенности возможных жертв изнасилования. Только лишь масштабное внедрение таких мер в социальную и правоприменительную практику может помочь достичь обширного и положительного результата¹.

Таким образом, наиболее важной задачей по совершенствованию сложившегося уровня виктимологической профилактики изнасилований является не только и не столько процессуальное закрепление гуманного и чуткого отношения сотрудников правоохранительных органов к жертвам преступлений, сколько создание и эффективная реализация системы мер социальной, психологической, медицинской и правовой помощи потенциальным и состоявшимся жертвам изнасилований, осуществляемой на основе методологически верного и научно обусловленного аналитического подхода к определению наиболее подверженным сексуальному насилию лиц, обеспечивая, тем самым, адресную направленность реализуемых специальных мер.

Список литературы

1. Алиев, Р. Х. Виктимологическая профилактика насильственных преступлений / Р. Х. Алиев // Общество и право. — 2008. — № 3 (21). — С. 208—211.
2. Антонян, Ю. М. Изнасилования: причины и предупреждение / Ю. М. Антонян, В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков. — Москва, 1990. — 191 с.
3. Варчук, Т. В. Виктимология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т. В. Варчук ; под ред. С. Я. Лебедева. — Москва : Юнити-Дана, 2008. — 191 с.
4. Варчук, Т. В. Учение о жертве преступления / Т. В. Варчук // Юридическая психология. — 2008. — № 4. — С. 39—42.
5. Вишневский, К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе : монография / К. В. Вишневский ; под ред. С. Я. Лебедева. — Москва : Юнити-Дана, 2010. — 295 с.
6. Задорожный, В. И. Проблемы совершенствования организационного и правового обеспечения виктимологической профилактики преступлений / В. И. Задорожный // Российский следователь. — 2006. — № 3. — С. 34—38.

¹ Вишневский К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе : монография / под ред. С. Я. Лебедева. Москва : Юнити-Дана, 2010. 295 с.

7. Кабанов, П. А. Современная криминальная виктимология: понятие, сущность, состояние и перспективы развития / П. А. Кабанов // Следователь. — 2007. — № 5. — С. 33—39.
 8. Каменева, А. Н. Общее и особенное в понятии «изнасилование» в России и зарубежных странах / А. Н. Каменева // Вестник Московского университета. — 2008. — № 1. — С. 96—108.
 9. Клещина, Е. Н. Криминологическое учение о жертве преступления и проблемы его реализации в законодательстве и деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Клещина Елена Николаевна. — Москва, 2010. — 64 с.
 10. Николаева, Ю. В. Виктимологическая профилактика преступлений: объект, субъект, правоотношения / Ю. В. Николаева // Административное и муниципальное право. — 2008. — № 6. — С. 73—77.
 11. Окс, Л. Е. Некоторые проблемы совершенствования правового обеспечения виктимологической профилактики преступлений / Л. Е. Окс // Российский следователь. — 2009. — № 5. — С. 29—30.
 12. Рыбальская, В. Я. Опыт применения факторного анализа в виктимологическом исследовании (по материалам уголовных дел об изнасилованиях, совершенных несовершеннолетними) / В. Я. Рыбальская // Проблемы борьбы с изнасилованиями : сборник статей. — Москва, 1983. — С. 75—84.
-

Проблема профилактики некриминального психического насилия среди несовершеннолетних

Дубницкая А. В.

Краснодарский университет МВД России

г. Краснодар, Российская Федерация

E-mail: dubnitskaya_anpa@mail.ru.

Научный руководитель

Вишневецкий К. В.

доктор юридических наук, профессор

Краснодарский университет МВД России.

Аннотация. В современном обществе все большую актуальность приобретает проблема борьбы с насилием, объектом которого становятся несовершеннолетние. Речь идет как о насильственных практиках, осуществляемых в рамках института семьи, так и о насилии, которому несовершеннолетнего подвергают в образовательном учреждении (чаще всего — сверстники, однако известны и случаи психического насилия, осуществляемого педагогами). В рамках статьи проводится общий анализ вопроса о природе психического насилия, его юридической и концептуальной определенности. Ставится вопрос о криминологических рисках, связанных с психическим насилием в среде несовершеннолетних, а также обосновывается точка зрения, согласно которой в современном обществе наблюдается расхождение между нормативным целеполаганием и реальной практикой выстраивания отношений в среде несовершеннолетних. На правовом уровне существует ряд норм, определяющих недопустимость осуществления психического насилия, однако практическая реализация данных норм осуществляется крайне неэффективно, что связано с недостаточным уровнем понимания родителями несовершеннолетних данной проблемы, неэффективностью школьных служб, игнорированием и даже замалчиванием руководства учебных заведений данной проблемы. В статье ставится вопрос о необходимости выстраивания конструктивного взаимодействия между институтами семьи и образования с целью профилактики и противодействия практикам психического насилия в среде несовершеннолетних.

Ключевые слова: насилие, общество, несовершеннолетние, образовательные учреждения, институт семьи, буллинг.

Для цитирования: Дубницкая, А. В. Проблема профилактики некриминального психического насилия среди несовершеннолетних / А. В. Дубницкая // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 46–53.

The Problem of Prevention of Non-Criminal Mental Violence Among Minors

Dubnitskaya A. V.

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnodar, Russian Federation
E-mail: dubnitskaya_anna@mail.ru.*

Scientific supervisor

Vishnevetskiy K. V.

*Doctor of Law Science, Professor
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.*

Abstract. In modern society, the problem of combating violence, the object of which is minors, is becoming increasingly relevant. We are talking about both violent practices carried out within the framework of the family institution, and violence to which a minor is subjected in an educational institution (most often — peers, but there are also cases of mental violence carried out by teachers). The article provides a general analysis of the nature of mental violence, its legal and conceptual certainty. The article raises the question of criminological risks associated with mental violence among minors, and also substantiates the point of view that in modern society there is a discrepancy between the normative goal-setting and the real practice of building relationships among minors. At the legal level, there are a number of rules regulating the inadmissibility of the implementation of the mental abuse, but practical implementation of these standards is extremely inefficient due to the insufficient level of understanding by parents of minors to this problem, inefficiency school services, disregard and even silence by the institutes of the problem. The article raises the question of the need to build a constructive interaction between the institutions of family and education in order to prevent and counteract the practices of mental violence among minors.

Keywords: violence, society, minors, educational institutions, family institution, bullying.

Проблема психического насилия в отношении несовершеннолетних и необходимость профилактики различных его проявлений в последнее время приобрела значительный общественный резонанс. Это связано с периодически всплывающими в средствах массовой информации трагическими событиями в образовательных учреждениях. В России увеличилось число чрезвычайных ситуаций в образовательных организациях в 2017—2018 гг. В восемнадцати регионах нашей страны обучающимися совершено двадцать четыре нападения на образовательные организации с использованием оружия и взрывных устройств, в результате которых погибли и были ранены учителя и другие ученики [5]. Большинство имеющихся публикаций о вышеупомянутых происшествиях сосредоточены на определении мотивов «школьных стрелков» и на описании факторов, влияющих на формирование преступного поведения у несовершеннолетних. В средствах массовой информации одним из наиболее упоминаемых факторов формирования преступного и (или) виктимного поведения у подростков считается «школьная травля» (буллинг): оскорбления, злые и непристойные шутки, насмешки, распространение слухов и сплетен, бойкот (социальная изоляция), запугивания [4; 6]. В криминологической литературе постоянные унижения или оскорбления относятся к провоцирующим поступкам «будущей жертвы», а именно приводят «будущего преступника» в аффективное состояние и тем самым провоцируют его на насилие [1].

Острый характер данной проблемы связан с тем, что сложившаяся ситуация имеет системный характер, иными словами, наличие практик психического насилия в отношении несовершеннолетних является не исключением из правила, а скорее действующей моделью, активно реализуемой несовершеннолетними (и в отношении несовершеннолетних) во многих учебных заведениях. Точное определение масштаба проблемы требует всестороннего исследования, однако уже сейчас, по предварительным подсчетам исследователей, 65 % школьников сталкиваются с психическим насилием в свой адрес [3], источником которого могут выступать как другие несовершеннолетние, так и представители старшего поколения (некомпетентные представители преподавательского состава, чрезмерно строгие или психически неуравновешенные родственники).

Резонансные события, привлекающие внимание к проблеме психического насилия в образовательной среде, имеют значение как фактор актуализации проблемы, которая сама по себе является важной. Результатом психического насилия является причинение ущерба психике несовершеннолетнего, что несет особые риски с учетом того, что

психика несовершеннолетних значительно более уязвима, нежели психика взрослого человека. Психические травмы ведут к нарушению самоопределения, утрате возможности конструктивного взаимодействия с другими людьми, потере мотивации к развитию в условиях нарушенной самооценки и т. д.. И следствия подобного рода травм имеют деструктивное значение как для самой жертвы насилия, так и для общества, в котором разворачивается дальнейшая жизнь человека. Иными словами, проблема актуальна не только в контексте риска перехода несовершеннолетних, подвергавшихся психическому насилию, к преступным моделям социальной активности. Серьезность и глубина проблемы связана с тем ущербом обществу, который имеет латентный характер, но, ввиду широкого распространения психического насилия, оказывает серьезное воздействие на содержание общественных отношений.

Рассматривая феномен психического насилия в отношении несовершеннолетних, исследователи обращают внимание, преимущественно, на две среды взаимодействия, на уровне которых наиболее часто осуществляются насильственные практики — образовательную среду и семью. Это два основных института социализации несовершеннолетних, и именно на уровне семьи и образовательного учреждения формируется преимущественное социальное окружение несовершеннолетнего, с которым он взаимодействует на постоянной основе. В соответствии с этим, и меры, предпринимаемые для профилактики психического насилия в среде несовершеннолетних, направлены, преимущественно, на эти два общественных института. Причем речь идет не только о необходимости локализации деструктивных форм психического воздействия на несовершеннолетних на уровне каждого из них, но и о необходимости конструктивного взаимодействия институтов семьи и образования для предотвращения развития деструктивных социальных практик в молодежной среде.

Очевидным фактом является то, что борьба с данной проблемой требует ее определения. Поэтому, уже на стадии постановки вопроса о профилактике психического насилия целесообразно проанализировать вопрос о том, каким образом оно определяется в современной юридической и исследовательской практике и, в частности, каковы наиболее значимые аспекты и формы психического насилия. В юридической практике существует ряд определений психического насилия, в уголовном праве по своим внешним признакам в зависимости от конкретных условий проявления психическое насилие может выступать способом или средством совершения преступления, а также

характеризовать обстановку. Так же акты психического насилия рассматриваются в качестве самостоятельных преступлений, либо закреплены в качестве квалифицирующих признаков. К числу таковых форм относятся угрозы, шантаж, принуждение, в рамках которых, по сути, производится посягательство на свободу личности, половую свободу и неприкосновенность и т. д. Соответственно, актуализируется постановка вопроса о формах психического насилия, не учитываемых современным уголовным законодательством и, соответственно, рассматриваемых в качестве некриминальных форм психического насилия. К числу таковых можно отнести: оскорбление, унижение, запугивание, игнорирование, отвержение, изолирование.

Рассмотрим подробнее обозначенные формы некриминального психического насилия.

Оскорблением являются обидные высказывания в адрес человека, осуществленные в словесной или письменной форме с использованием грубых слов, ругательств.

Унижением является негативное воздействие на человека, целью или результатом которого является падение у унижаемого чувства собственного достоинства и его достоинства в глазах других людей. В отличие от оскорбления, здесь может иметь место отсутствие бранной лексики, которая замещается негативными сравнениями, уничижительными оценочными суждениями.

Запугиванием является высказывание угроз, осуществляемые с целью добиться желаемого формата поведения человека. Запугивание может производиться со следующими целями: добиться определенного действия, ограничить в определенном способе поведения, самоутвердиться за счет объекта насильственной практики, почувствовать свою власть.

Игнорированием является оставление без внимания, отсутствие проявления привязанности, любви и заботы, пренебрежение потребностями человека.

Отвержение как насильственная практика включает в себя такие формы, как постоянная критика, открытое непринятие, подчеркивание недостатков, употребление негативных сравнений и т. д.

Изолирование представляет собой нарушение извне коммуникативной свободы личности, что может проявляться в таких формах, как запрет или ограничения на выход из дома, установление ограничения на контакты со сверстниками, общения с родственниками, другими значимыми людьми, либо бойкот со стороны коллектива по отношению к определенному человеку. Одним из распространенных вариантов

изолирования, осуществляемого в среде несовершеннолетних, является запрет на взаимодействие с жертвой травли представителям учебной группы под страхом включения в список жертв.

Описанные выше варианты некриминального психического насилия могут быть реализованы (с различной степенью частоты) как на уровне семейной группы, в которую включен несовершеннолетний, так и на уровне образовательной среды. В связи с этим и постановка вопроса о профилактике психического насилия должна иметь двойственный характер, учитывающий как специфику взаимодействия несовершеннолетних в образовательных учреждениях, так и область внутрисемейного взаимодействия. Рассмотрим, какие законодательные нормы регулируют противодействие практикам психического насилия на уровне действующего законодательства:

— Конституция Российской Федерации провозглашает, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому обращению или наказанию; (ч. 2 ст. 21);

— КоАП РФ предусматривает соответствующую ответственность за оскорбление (статья 5.61), дискриминация (статья 5.62), вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (статья 6.10), вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака (статья 6.23), и другие;

— СК РФ закрепляет следующие обязанности по воспитанию детей: при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому или психическому здоровью детей, их нравственному развитию (статья 65);

— в Федеральном Законе от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» запрещено жестокое обращение с детьми, физическое или психологическое насилие над детьми (статья 14);

— в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрены санкции педагогических работников за допущенное физическое или психическое «насилие над личностью обучающегося или воспитанника» (статья 36);

— в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» также закреплены меры прокурорского реагирования по выявленным фактам жестокого обращения с детьми и семейного насилия в отношении несовершеннолетних;

— в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних» по отношению к несовершеннолетним не допускаются применение физического и психического насилия (часть 4 статьи 8.1).

Приведенные выше нормы права определяют общий вектор регулирования в отношении практик психического насилия, которое обозначается в качестве неприемлемого. Вместе с тем, следует отметить, что реальное институциональное регулирование данного вопроса носит неудовлетворительный уровень, иными словами, контроль за соблюдением обозначенных норм реализуется крайне слабо, в результате чего то, что номинально делать нельзя, на деле выступает в качестве широко распространенной практики. Ситуацию усугубляет то, что для многих членов общества само понятие психического насилия является непонятным и, соответственно, они могут даже не осознавать деструктивный характер своих действий (применительно к негативным отношениям внутри семьи), особенно если речь идет о заимствовании деструктивных моделей, которые применялись к ним самим в детстве, и потому воспринимаются как норма. Что касается образовательных учреждений, следует согласиться с точкой зрения, согласно которой «...в действительности факты психического насилия в школах практически не регистрируются, остаются без реакции со стороны педагогов, администрации школы и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Представляется необходимым включать в планы профилактики общеобразовательных учреждений разделы, посвященные психическому насилию в отношении учащихся» [4; 6]. Нередко стремление к сохранению позитивного имиджа учебного заведения приводит к умышленному замалчиванию фактов буллинга, травли, некриминального психического насилия в отношении учеников, что недопустимо.

Рассматривая возможные меры по профилактике развития психического насилия в среде несовершеннолетних, отметим, что важнейшую роль в предотвращении таковых практик в молодежной среде играют действия педагогов (в частности, классного руководителя), школьных психологов, служб психологической помощи, а также привлечение внимания родителей к данной проблеме (что предполагает как пресечение жестокости, осуществляемой детьми, так и своевременную реакцию на травлю в отношении собственного ребенка). К сожалению, на текущем этапе можно судить о том, что практики психического насилия в среде несовершеннолетних развиваются и даже проходят стадии институционализации (различные буллинг-сообщества, мода на выкладывание в сети видеозаписей со сценами насилия, унижения и т. д.),

формирования и распространения устойчивых моделей насильственных практик [2], в то время как социальные механизмы профилактики психического насилия в среде несовершеннолетних действуют недостаточно эффективно. Это свидетельствует о необходимости пересмотра политики регулирования данного вопроса на уровне образовательных учреждений с целью актуальной реализации на практике тех установок, которые в настоящее время существуют на нормативном уровне.

Список литературы

1. Антонян, Ю. М. Криминология : учебник / Ю. М. Антонян. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 388 с.
 2. Горлова, И. Ю. Буллинг в образовательных учреждениях / И. Ю. Горлова, О. З. Кузнецова // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. — 2019. — № S6. — С. 8.
 3. Грибанов, Е. В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) / Е. В. Грибанов // Социологические исследования. — 2016. — № 7 (387). — С. 78.
 4. Егоров, И. Тревожная кнопка в школе. Парушев назвал причины подростковой преступности / И. Егоров // Российская газета : [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2019/02/19/reg-urfo/patrushev-zaiavil-o-rostepodrostkovoju-prestupnosti-na-urale.html>/ (дата обращения: 13.01.2021).
 5. Колесникова, К. Каждый третий ребенок сталкивается со школьной травлей / К. Колесникова // Российская газета : [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2020/12/16/kazhdyy-tretij-rebenok-stalkivaetsia-so-shkolnoj-travlej.html> (дата обращения: 13.01.2021).
 6. Смирнова, А. С. Профилактика буллинга у подростков / А. С. Смирнова // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2017. — № 10. — С. 121—125.
-

Защита жертв от террористических актов в Российской Федерации: пути законодательного решения на примере зарубежного опыта

Задёра В. В.

Саратовская государственная юридическая академия

Межрегиональный юридический институт

г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: vasya.22814@yandex.ru.

Научный руководитель

Копшева К. О.

кандидат юридических наук

Саратовская государственная юридическая академия.

Аннотация. В данной статье автор рассматривает меры защиты жертв от террористических актов как на уровне Российской Федерации, так и иностранных государств, а также возможность применения альтернативных способов и мер поддержания пострадавших от террористических актов. В качестве сравнительной модели защиты пострадавших от терактов выступил Закон Испании от 22 сентября 2013 г. № 29/2011 «О признании и интегральной защите жертв терроризма», на основании сравнительного анализа которого автор приходит к выводу, что в отечественном законодательстве, предусматривающим меры защиты и поддержания жертв терактов, имеются определенные правовые пробелы, требующие устранения, в том числе для более эффективно обеспечения мер льгот и поддержек усовершенствования требует и ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г.

Ключевые слова: террористический акт, жертва, меры поддержки, льготы, законодательство Испании, законодательство России, выплаты.

Для цитирования: Задёра, В. В. Защита жертв от террористических актов в Российской Федерации: пути законодательного решения на примере зарубежного опыта / В. В. Задёра // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 54–58.

Protection of Victims from Terrorist Acts in the Russian Federation: Ways of Legislative Solution on the Example of Foreign Experience

Zadera V. V.

Saratov State Law Academy

Interregional Law Institute

Saratov, Russian Federation

E-mail: vasya.22814@yandex.ru.

Scientific supervisor

Kopsheva K. O.

Candidate of Law Science

Saratov State Law Academy.

Abstract. In this article, the author considers measures to protect victims from terrorist acts both at the level of the Russian Federation and foreign states, as well as the possibility of using alternative methods and measures to support victims of terrorist acts. As a comparative model for the protection of victims of terrorist attacks, the Spanish Law of September 22, 2013 No. 29/2011 "On the recognition and integral protection of victims of terrorism" was used, based on a comparative analysis of which the author concludes that there are certain legal gaps in the domestic legislation providing for measures to protect and support victims of terrorist attacks, which require elimination, including for more effective provision of benefits and support measures, the Federal Law "On Countering Terrorism" of 06.03.2006 also requires improvement.

Keywords: terrorist act, victim, support measures, benefits, Spanish legislation, Russian legislation, payments.

Анализ официальной статистики МВД России показал, что за первое полугодие 2020 года число преступлений террористического характера по сравнению с 2019 годом увеличилось на 22 % (1183 преступления), число экстремистских преступлений на 41 % (442 преступления), в связи, с чем растёт и количество жертв от совершаемых преступлений террористического характера¹ [2]. Правоохранительные

¹ Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/8948653> (дата обращения: 31.01.2021).

органы нашей страны успешно ликвидируют террористические акции, однако тенденция к их увеличению сохраняется, и не только в России, но и во всём мире. В связи с этим крайне актуальными являются меры по защите жертв от террористических актов. В нашей стране меры поддержки, направленные на социальную и правовую защиту лиц, пострадавших от террористических актов, предусмотрены ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г.¹ [1]. Кроме того, в 2008 году представителями всероссийской и региональными общественными организациями «Голос Беслана», «Норд-Ост», «Волга-Дон», пострадавшие от терактов в Беслане и на Дубровке, объявили о создании законопроекта «О социальной защите граждан, пострадавших от террористических актов»² [3], который смог бы полноценно установить статус «жертва теракта». Согласно законопроекту, для жертв терактов предусматривался ряд особых льгот и компенсаций:

- 1) выплата работающим инвалидам;
- 2) пособия по временной нетрудоспособности до 4—5 месяцев в календарном году в размере 100 процентов среднего заработка;
- 3) использование ежегодного очередного оплачиваемого отпуска в удобное время;
- 4) получение дополнительного оплачиваемого отпуска продолжительностью 14 календарных дней;
- 5) бесплатный проезд по территории страны на всех видах городского пассажирского транспорта и на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) в сельской местности, а также на железнодорожном и водном транспорте пригородного сообщения и в автобусах пригородных маршрутов;
- 6) бесплатный проезд по территории страны с правом первоочередного приобретения билетов по железной дороге или на судах транзитных и местных линий речного флота один раз в год, учащимся, студентам — два раза в год. В районах, не имеющих железнодорожного сообщения, — воздушным, водным или междугородным автомобильным транспортом;
- 7) обеспечить государственный контроль здоровья пострадавшего через несколько лет после совершения теракта и др.

Однако проект так и остался не обнародованным, хотя общественные организации настаивали на его принятии. Возможно, его

¹ О противодействии терроризму. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 31.01.2021).

² Кавказский Узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/138817/> (дата обращения: 31.01.2021).

отклонили из-за слишком нереальных положений, которые было бы очень тяжело воплотить в жизнь. В то же время, вышеуказанный ФЗ №-35 предусматривает меры поддержки пострадавших от террористических актов, хотя на практике эти меры работают не совсем эффективно. Зачастую пострадавшим приходится проходить реабилитацию и приобретать необходимые средства для обычной жизнедеятельности за свой счёт либо за счёт благотворительных фондов, которые создаются, и существует из-за нерабочих государственных мер поддержки пострадавших. Даже материальные выплаты, являющиеся единовременными, не могут покрыть последствия полученного вреда от теракта, которые остаются на протяжении всей жизни.

Полагаем, что при создании законов о мерах поддержания пострадавших от террористических актов, прежде всего, необходимо опираться на зарубежный опыт, проводить анализ эффективности иностранных законов и мер. К примеру, испанское законодательство одно из самых эффективных в этой сфере. В Испании большую роль играет общественная организация «Ассоциация жертв терроризма», к предложениям и проектам которой прислушиваются должностные лица государства. По предложению проекта Ассоциации в Испании был принят Закон от 22 сентября 2013 г. № 29/2011 «О признании и интегральной защите жертв терроризма»¹ [4]. Его особенность заключается в том, что он распространяется как на жертв террористических актов, совершенных на территории Испании, так и на испанских граждан, пострадавших за границей, а также на участников миротворческих операций, которые исполняют свой воинский долг за пределами государства. Данный закон предусматривает:

1. Оказание неотложной медицинской и психологической помощи.
2. Государственные органы берут на себя обязанность по созданию специальных информационных центров, которые предоставляют персонально для каждого всю необходимую информацию о порядке предоставления льгот и компенсаций.
3. Государство полностью берет на себя все расходы, связанные с погребением.
4. Права и льготы распределяются непосредственно либо самим пострадавшим, либо их близким родственникам.
5. Все выплаченные в виде компенсаций суммы освобождаются от налогов.

¹ Романовская О. В. Защита жертв актов террора: опыт Испании // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Т. 7. № 4 (28). С. 27—32. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 31.01.2021).

6. Установлены верхние пределы присуждаемых сумм: смерть лица — 500 тыс. евро; высокая степень инвалидности — 750 тыс. евро; абсолютная постоянная нетрудоспособность — 300 тыс. евро; общая постоянная нетрудоспособность — 200 тыс. евро; частичная постоянная нетрудоспособность — 125 тыс. евро; травмы, не связанные с признанием инвалидом, — 100 тыс. евро. и т. д.¹ [5, с. 124—146].

Подводя итог, полагаем, что российским законодателям следовало бы усовершенствовать имеющийся ФЗ «О противодействии терроризму», а именно: устранить пробелы, имеющиеся в нем; установить виды и размеры социальных выплат, порядок их выплаты, категории, которым они подлежат. Также необходимо создать специальный орган, который будет непосредственно отвечать за эффективность данной работы, проводить юридическое консультирование и правовую помощь пострадавшим от террористических актов. В этом аспекте, общественный проект законопроекта «О социальной защите граждан, пострадавших от террористических актов» не выглядит невыполнимым, однако отечественному законодательству в этой области предстоит решить ещё многие проблемы.

Список литературы

1. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 31.01.2021).
2. В МВД сообщили о росте на 22 % преступлений террористического характера в 2020 году // Информационное агентство «ТАСС» : [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/8948653> (дата обращения: 31.01.2021).
3. О социальной защите граждан, пострадавших от террористических актов : проект федерального закона // Кавказский Узел : [интернет-СМИ]. — URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/138817/> (дата обращения: 31.01.2021).
4. Романовская, О. В. Защита жертв актов террора: опыт Испании / О. В. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2019. — Т. 7, № 4 (28). — С. 27—32. — URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 31.01.2021).
5. Хенкин, С. М. «Баскская проблема» как фактор разобщения испанской политики / С. М. Хенкин // Политическая наука. — 2016. — № 1. — С. 124—146.

¹ Хенкин С. М. «Баскская проблема» как фактор разобщения испанской политики // Политическая наука. 2016. № 1. С. 124—146.

Экстремизм как глобальная угроза международной безопасности

Кашпер А. А.

Донбасская юридическая академия

Донецкая Народная Республика

E-mail: anna.kashper@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрывается проблема экстремистской и террористической деятельности в современном мире, рассматриваются нормативно-правовые акты направления по борьбе с преступлениями экстремистской направленности. Делается вывод, что использование зарубежного и международного опыта является одним из наиболее эффективных способов устранения пробелов и недочетов в законодательстве Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: борьбе с экстремизмом, экстремизм, терроризм, противодействие, угроза, безопасность.

Для цитирования: Кашпер, А. А. Экстремизм как глобальная угроза международной безопасности / А. А. Кашпер // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 59–66.

Extremism as a Global Threat to International Security

Kashper A. A.

Donbass Law Academy

Donetsk People's Republic

E-mail: anna.kashper@mail.ru.

Abstract. The article reveals the problem of extremist and terrorist activities in the modern world, examines the normative and legal acts of the direction of combating crimes of extremist orientation. It is concluded that the use of foreign and international experience is one of the most effective ways to eliminate gaps and shortcomings in the legislation of the Donetsk People's Republic.

Keywords: combating extremism, extremism, terrorism, counteraction, threat, security.

В XXI веке преступления экстремистской и террористической направленности представляют собой глобальную угрозу для международной безопасности. Кроме того, для Донецкой Народной Республики указанные преступления стали одной из внутренних проблем, угрожающих стабильности и национальной безопасности. В нашем государстве экстремистская нетерпимость подрывает основы конституционного строя, отрицая этническое и религиозное многообразие, ведет к нарушению прав человека, угрожает стабильному сосуществованию наций и социальных групп в обществе, а также утверждению и развитию демократических ценностей.

Проблема экстремистской и террористической деятельности в современном мире является крайне актуальной. С древнейших времён подобного рода действия использовались в качестве незаконного, но эффективного средства разрешения политических и социальных противоречий. С течением времени изменяются формы, средства и методы проведения экстремистских и террористических актов, опирающиеся на последние достижения науки и техники.

Борьба с экстремистской деятельностью на данный момент является одной из приоритетных задач правоохранительных органов, которые определены событиями, происходящими как на территории Донецкой Народной Республики, так и за ее пределами. Тем не менее, приблизительно 15—20 лет назад деятельность экстремистских групп и движений была локализована пространственными границами города, области или же района, сейчас же благодаря Интернету экстремизм становится элементом информационной повестки дня в масштабах страны.

Члены экстремистских движений получили возможность вступать в дискуссии, отстаивать свою идеологию и интересы в различных интернет-ресурсах, где численность человек довольно-таки велика и достигает от нескольких десятков до сотен тысяч человек. Опираясь на данные, полученные из зарубежных источников, в сети Интернет насчитывается порядка десяти тысяч экстремистских электронных источников. Отмечается, что основу данной системы составляют сайты на арабском языке, число которых приблизительно составляет две-три тысячи. Экстремистской сетью разработан достаточно действенный способ распространения пропаганды через Интернет с помощью посетителей данных сайтов, которые:

- 1) копируют представленную информацию;
- 2) размещают ссылки на материалы экстремистского характера;
- 3) распространяют их на другие сайты — экстремистской и неэкстремистской направленности [8, с. 48].

Однако, многие эксперты отмечают довольно высокую латентность преступлений экстремистского характера в сети Интернет. Предполагается, что на данный момент из них выявляется около 30—35 %. Основная причина этого — недостаточная система ресурсного обеспечения противодействия экстремизму в сети Интернет. Для обеспечения эффективности противодействия экстремизму необходимы три условия:

- 1) правовая основа противодействия экстремизму в сети Интернет;
- 2) квалификация сотрудников оперативных подразделений;
- 3) материально-техническое обеспечение.

К сожалению, в настоящее время по каждому из этих условий обнаруживается дефицит [3, с. 30].

По мнению директора Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде в сети Интернет С. А. Чурилова, Интернет является подходящей площадкой для пропаганды экстремистских и террористических материалов, поскольку обладает возможностью широкого охвата аудитории, высокой скоростью распространения пропагандистской информации через различные социальные сети и ее возможная анонимность [5, с. 18]. Предполагаем, что в ближайшем будущем прогнозируется еще большая активность экстремистских групп и движений в информационных сетях и ресурсах. Об этом свидетельствуют известные внешнеполитические события, происходящие как в Украине, сопровождающимися государственным переворотом, так и боевые действия по уничтожению объектов запрещенной в Донецкой Народной Республике организации ИГИЛ в Сирии. Основным инструментарием современных экстремистских организаций является просмотр документальных фильмов, аудио- и видеосообщения, пропаганда и агитация через различные популярные социальные сети и мессенджеры — Skype, WhatsApp, Viber, ВКонтakte, Facebook, Twitter и т. д. По мнению В. Гладышева, пропаганда экстремизма в социальных сетях имеет свою специфику, так как там зачастую указывается личная информация, отсюда следует, что вполне возможно целенаправленное распространение экстремистских материалов для оказания максимального воздействия на сознание людей определенной возрастной группы [7, с. 40]. Важно отметить, что социальные сети и мессенджеры в своей вербовочной и пропагандистской функции занимают лидирующие позиции, опережая печатные издания и обычные сайты. Их преимущество заключается в увеличении численности, в возможности индивидуального, безопасного, а зачастую и анонимного общения между вербовщиком и его потенциальной жертвой. Также стоит учитывать и психологический фактор современного

социума — пользователь больше доверяет информации из социальных сетей, нежели телевидению, газетам или сайтам. Именно это в своих целях активно используют экстремисты. Очевидно, что большинство аккаунтов в социальных сетях разделены на два типа. Один занимается подбором наиболее актуальных публикаций из лент новостей, постепенно набирающих популярность. Другой — изучением личных страниц пользователей, на которых нередко публикуются фото- и видеоматериалы, а также сообщения и рассуждения экстремистского характера [4, с. 46]. Базовой целью информационного экстремизма, встречающегося в социальных сетях, выступают манипуляции сознанием масс через искусственно созданные слухи, осуществляемые в сети Интернет. По мнению большинства ученых и экспертов, данное явление рассматривается и как угроза стабильному существованию социума, и информационной безопасности граждан в целом [6, с. 82].

Средства массовой информации (СМИ) в рамках противодействия терроризма и экстремизма обеспечивают своевременную и достоверную информацию:

- 1) о террористических угрозах;
- 2) о действиях государственной власти и правоохранительных органах по обеспечению безопасности населения страны.

Доступ к средствам массовой информации для предоставления своей позиции является одной из главных целей экстремистов. Следует отметить, что в истории права встречались случаи, когда экстремисты использовали возможности выхода в эфир или телеэкран для общения с сообщниками и пособниками для информации о действиях сил правопорядка в ходе организуемой антитеррористической операции точно так же, как это было во время терактов в Будёновске (1995 г.) и в Культурном центре на Дубровке (2002 г.) [6, с. 22].

В современном мире традиционные СМИ теряют уникальность в создании информационного пространства, уступая свою позицию сети Интернет, живым журналам, социальным сетям. Кроме того, Интернет используется для привлечения сторонников и пособников, играющих важную роль в поддержке экстремистов. Экстремисты широко используют возможности Интернета в сравнении с электронными и печатными СМИ в скорости подачи соответствующей информации. Наибольшее распространение экстремизм обрёл именно в социальных сетях, за счет оказания воздействия на сознание разной возрастной аудитории. В настоящее время правоохранительными органами активно проводится выявление экстремистских идей, взглядов и призывов в интернет-ресурсах, особенно в социальных сетях.

Рекордные масштабы распространения экстремистской деятельности на всём земном шаре заставляют абсолютно весь мир находиться в постоянном напряжении и поиске наиболее эффективных методов и форм борьбы с данным преступным явлением. Основу международной концепции, устанавливающей основополагающие направления по борьбе с преступлениями экстремистской направленности составляет Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., в которой ряд статей (ст. 1—5, 7, 9, 10, 13, 14, 16, 18—20, 28) имеют прямое отношение к данной проблеме. К примеру, ст. 1 данной декларации провозглашает всеобщее равенство, а в ст. 2 определяются различия, которые ни при каких обстоятельствах не должны выступать в качестве катализатора нарушения равенства, что имеет прямое отношение к противодействию экстремизма (а следовательно и терроризма как составной его части). Необходимо также отметить и Международный пакт о гражданских и политических правах, устанавливающий равенство гражданам независимо от религиозной, расовой и национальной принадлежности. Анализ данных документов показывает, что в основу запрета на нарушение основных прав и свобод человека положена соответствующая мотивация, которая указывает непосредственно на содержание одного из концептуальных признаков международной концепции в данной проблеме, что наблюдается и на других уровнях межгосударственного сотрудничества [9, с. 253].

Кроме того, в декабре 2008 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция: «Недопустимость определенных видов практики, которые непосредственно способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Данная резолюция непосредственно направлена на осуждение различных форм пропаганды, основанной на идеях расового превосходства, а также предлагает относить их к запрещенной деятельности на территории всего земного шара. Что касается Совета Европы, то особенностью развития законодательства, направленного непосредственно на борьбу с экстремистской деятельностью, является разработка предупредительных мер расово-религиозного экстремизма. Например, Приложение № 3 к Венской декларации от 9 октября 1993 г. включает в себя стратегию противодействия расизму, ксенофобии, антисемитизму и нетерпимость [5, с. 224].

Рассматривая данный вопрос, следует проанализировать деятельность такого международного объединения, как Содружество Независимых Государств (СНГ). В ходе сотрудничества в борьбе с экстремизмом 15 мая 1992 г. страны, непосредственно являющиеся членами СНГ,

подписали Договор об общей безопасности. Согласно положениям данного Договора государства взяли на себя обязательства воздерживаться от применения силы или угрозы её применения в стремительно развивающихся международных отношениях. Кроме того, активное сотрудничество стран СНГ по противодействию экстремистской деятельности во всём мировом сообществе получило своё дальнейшее развитие. Так, 25 октября 2013 г. в Минске была принята Программа сотрудничества государств — членов СНГ, которая направлена на борьбу с терроризмом и экстремизмом на период 2014—2016 гг. Главной целью вышеупомянутой программы являлось дальнейшее совершенствование сотрудничества государств-участников, в том числе уставных органов и органов отраслевого сотрудничества СНГ в борьбе с экстремизмом [3, с. 78].

В современном мире развитие законодательной базы в области противодействия экстремистской деятельности является приоритетным направлением нормотворческой деятельности ряда государств. На сегодняшний день большинство государств придают конституционный статус нормам, касающимся борьбы с криминальными формами экстремизма. Для наиболее полного, подробного и точного исследования проблемы противодействия экстремизму, рассмотрим некоторые зарубежные законодательства по принадлежности к соответствующей системе права, а именно романо-германской [5, с. 70].

К романо-германской системе права относятся: право континентальной Европы, некоторых стран Латинской Америки, а также Японии. В связи с тем, что классическими представителями данной системы права являются Германия и Франция, мы именно на примере их Уголовных Кодексов и проведём наше исследование. Так, в Уголовном Кодексе Германии борьбе с преступлениями экстремистского характера посвящен ряд составов преступлений, располагающихся в разных разделах УК. Анализируя германскую законодательную базу в борьбе с экстремизмом можно выделить следующие особенности, характерные для данного государства:

- 1) повышенной общественной опасности деяний экстремистского характера под охрану взяты не только безопасность самого государства, но и вся мировая безопасность;
- 2) преступления экстремисткой направленности довольно четко сосредоточены и структурированы в трёх самостоятельных разделах Уголовного Кодекса Германии;
- 3) подход к определению санкций за данные преступные деяния довольно интересен и не совсем стандартен для романо-германской

правовой системы. Так, согласно ст. 111 УК Германии, за любое распространение письменных материалов, призывающих к совершению противоправных деяний, наказание не должно превышать наказания за схожее деяние только в том случае, если данный призыв не привел к желаемому результату.

Ключевой особенностью законодательства Франции выступает систематизация преступлений, которые содержат в себе признаки терроризма и экстремизма. Преступления, которые несут в себе проявления экстремизма и терроризма, выделены в самостоятельном разделе. Кроме того, следует отметить, что они закреплены в структуре Особенной части Уголовного Кодекса Франции на первом месте. Также одной из главных особенностей является определение санкций за совершение вышеупомянутых преступных деяний, которые включают в себя как штраф, так и лишение свободы, в том числе и дополнительные виды: временное лишение гражданских, политических и семейных прав, что по нашему мнению, является весьма эффективным способом противодействия экстремизму. Немаловажной особенностью УК Франции является и субъектный состав преступлений экстремистской направленности, согласно которому субъектами данного преступного деяния признаются не только физические, но и юридические лица. Итак, рассмотрев романо-германскую систему права на примере двух ведущих государств, мы с уверенностью можем говорить о том, что основой законодательства Германии и Франции в области противодействия экстремизму является систематизация деяний, которые содержат в себе признаки экстремизма, а также создание инструментов по борьбе с экстремизмом и его наиболее радикальной формой — терроризмом [7, с. 216].

Подводя итоги, рассмотрев современные международные и зарубежные концепции противодействия преступлениям экстремистского характера, мы можем сделать вывод, что в современном мире основным направлением международного сотрудничества в сфере противодействия экстремизму является гармонизация и унификация средств и методов борьбы с преступлениями экстремистского характера (а следовательно и терроризма, как составной его части), основанных на общепризнанных принципах и нормах международного права, что и должно составлять единую общемировую законодательную концепцию в борьбе с данным противоправным явлением. Не вызывает никаких сомнений, что использование зарубежного и международного опыта правовой регламентации ответственности за преступления экстремистского характера является одним из наиболее эффективных

способов устранения пробелов и недочетов в законодательстве Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. // Верховный Совет Донецкой Народной Республики (с изменениями от 06.03.2020 г.).

2. О противодействии экстремистской деятельности : Закон Донецкой Народной Республики от 29 мая 2015 г. № 51-ІНС // Народный Совет Донецкой Народной Республики (с изменениями от 16.03.2020 года).

3. Ахмедов, Э. Ю. Международно-правовые аспекты регламентации сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом в рамках вспомогательных органов Совета Безопасности ООН / Э. Ю. Ахмедов // Международное публичное и частное право. — 2014. — № 1. — С. 22—25.

4. Беляев, А. А. Предупреждение терроризма: правовой и организационный аспект / А. А. Беляев // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. — 2015. — № 2. — С. 81—86.

5. Вайле, С. П. Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы / С. П. Вайле // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 5. — С. 15—20.

6. Завьялов, С. Зарубежный опыт в области борьбы с пропагандой терроризма в Интернете / С. Завьялов // Зарубежное военное обозрение. — 2014. — № 4. — С. 34—39.

7. Гладких, В. И Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ / В. И. Гладких // Российский следователь. — 2014. — № 5. — С. 46—50.

8. Жаворонкова, Т. В. использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями / Т. В. Жаворонкова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2015. — № 3 (178). — С. 30.

9. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М. Н. Марченко. — Москва : Проспект, 2015. — С. 214—218.

Судебная защита потерпевших от преступления

Кириянова Д. А.

Российский государственный университет правосудия

Северо-Западный филиал

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: Riba-Kotik@yandex.ru.

Научный руководитель

Краснова К. А.

кандидат юридических наук

Российский государственный университет правосудия

E-mail: krasnova_up@rambler.ru.

Аннотация. Статья посвящена защите потерпевших от преступления, а также реализации их конституционных прав. Автор рассматривает проблемы, с которыми сталкивается потерпевший, раскрывает его права и роль относительно других участников уголовного процесса. Автором подробно рассмотрены понятия морального и материального вреда, а также возмещение вреда как обстоятельство, смягчающее наказание.

Ключевые слова: потерпевший, жертва преступления, уголовное судопроизводство, правоохранительные органы, причинение вреда, преступление.

Для цитирования: Кириянова, Д. А. Судебная защита потерпевших от преступления / Д. А. Кириянова // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 67–73.

Judicial Protection of Victims of Crime

Kiryanova D. A.

North-West Branch of Russian State University of Justice

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: Riba-Kotik@yandex.ru.

Scientific supervisor

Krasnova K. A.

Candidate of Law Science

Russian State University of Justice

E-mail: krasnova_up@rambler.ru.

Abstract. The article is devoted to the protection of victims of crime, as well as the implementation of their constitutional rights. The author examines the problems faced by the victim, reveals his rights and role in relation to other participants in the criminal process. The author considers in detail the concepts of moral and material harm, as well as compensation for harm as a circumstance mitigating punishment.

Keywords: injured person, victim of crime, criminal proceedings, law enforcement agencies, causing harm, crime.

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция) закрепляет основные права и свободы человека и гражданина. Реализуя свои права и свободы, гражданин, в первую очередь, рассчитывает на содействие государства. Это положение справедливо не только для нашей страны, но и для других развитых государств¹. Важно отметить тот факт, что в Конституции нашли свое отражение положения, охватывающие защиту жертв преступлений. Так, согласно ст. 52 Конституции права потерпевших от злоупотреблений властью и преступлений непосредственно охраняются законом². Данная статья также содержит указание на то, что компенсация морального вреда и обеспечение доступа к правосудию потерпевшим является неотъемлемой задачей государства. Далее норма п. 3 ст. 56 Конституции говорит о невозможности ограничения прав потерпевших в условиях чрезвычайного положения, вводимого как на всей территории Российской Федерации, так и в отдельных ее частях.

Отметим, что Всеобщая декларация прав человека также признает право на судебную защиту. Так, ст. 8 гласит о том, что каждый человек имеет право на восстановление основных прав, принадлежащих ему в силу конституции или закона, в компетентных национальных судах³. Широкий спектр положений, посвященных защите правового статуса личности также содержится в Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴.

¹ Краснова К. А. Правовые основы защиты свидетелей в Европейском Союзе // Адвокатская практика. 2016 № 1. С. 39—44; Tihanyi Miklós Dr., Mátyás Szabolcs Dr., Vári Vince Dr., Krasnova K. A. Socio-demographic characteristics of drug users and drug addicts in Hungary // Викимимология. 2020. № 3 (25). С. 53—60.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

В настоящий момент уголовное судопроизводство выступает основным способом защиты жертв преступления для современной России. Одной из важнейших функций уголовного судопроизводства выступает защита прав и законных интересов потерпевшего. В свою очередь, государство предоставляет потерпевшим необходимую информацию об их правах, охраняемых законом, а также обеспечивает механизмы, способствующие доступу к правосудию.

Обеспечению потребностей потерпевших от преступлений способствуют судебные и административные процедуры. Обязательным выступает сопровождение данных процедур разъяснением жертвам преступлений их роли и месте в ходе осуществления предварительного следствия, а также судебного производства. Следует отметить важность обеспечения возможности изложения и официального рассмотрения мнений и пожеланий потерпевших от преступлений, а также предоставления им охраны личной жизни и безопасности, включая ближайших родственников. Жертвам преступления также предоставляется надлежащая юридическая и иная помощь.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) в ст. 6 закрепил защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений как первоочередное назначение уголовного судопроизводства¹.

Важно отметить, что статус пострадавшего шире, чем статус потерпевшего. Пострадавший имеет более широкий объем прав, однако сам статус утверждается после внесения определения или постановления уполномоченного на то лица. Лицо признается потерпевшим только тогда, когда дело уже возбуждено, а до момента возбуждения уголовного дела и признания статуса лицо выступает заявителем. Само определение «потерпевшего» закреплено в ч. 1 ст. 42 УПК РФ². Под потерпевшим следует понимать физическое лицо, которому преступлением причинен моральный, имущественный, физический вред. Им может также выступать юридическое лицо, если при совершении преступления был причинен вред его деловой репутации и имуществу. Часть 2 той же статьи определяет перечень прав потерпевшего. К ним относятся: право на получение знаний о предъявлении обвинений обвиняемому; право на дачу показаний; право на отказ свидетельствовать против самого себя и близких родственников; право на предоставление доказательств; право на заявление отводов и ходатайств; право на дачу показаний на родном или доступном ему языке; право на бесплатную помощь переводчика;

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

право на представителя; право на участие в следственных действиях, с разрешения следователя или дознавателя; право на ознакомление с протоколами и другие.

Важно отметить, что законодательно права потерпевших достаточно защищены, однако на стадии предварительного расследования права данных лиц зачастую нарушаются. В связи с этим можно говорить о неравном положении потерпевшего в сравнении с обвиняемым, подсудимым и подозреваемым. Следовательно, в реализации принципа равенства сторон и принципа состязательности сторон виднеется несостоятельность и неполнота. Подобное явление вызывает сомнительное отношения к судам, органам следствия и прокуратуре со стороны общества. В таких случаях у потерпевшего возникают сомнения в вопросах обращения к перечисленным органам, с целью защиты своих прав. Впоследствии потерпевший от преступления отказывается от своего права обращения в соответствующие органы, как бессознательно, так и сознательно, что влечет безнаказанность виновных.

При обращении в правоохранительные органы потерпевший зачастую сталкивается с определенными проблемами. Так, в ему могут отказать в возбуждении уголовного дела. Несмотря на существенный ряд условий для отказа, одной из причин может выступать коррупция. Ее масштабы достаточно широки и порой скрыты от закона, однако государство ведет всевозможную борьбу с данным явлением. Еще одной проблемой выступают сроки расследования, которые нередко не соблюдаются, что нарушает требование о разумном сроке судопроизводства, гарантированном на международно-правовом уровне. Со стороны виновного лица может быть произведено давление, а иногда и сами органы оказывают его, что заставляет потерпевшего воздержаться от подачи заявления или дать заведомо ложные показания, которые будет способствовать уходу виновного лица от уголовной ответственности.

Отметим, что целью наказания выступает восстановление социальной справедливости, что несомненно важно для потерпевшего лица. В данном случае под социальной справедливостью следует понимать возмещение причиненного материального или морального вреда потерпевшему, а также назначение соответствующего наказания в зависимости от личности субъекта и характера преступления. Согласно сложившейся в нашей стране практике, в основном применяются карательные меры к виновному, такие как: лишение или ограничение свободы.

Имущественный вред выступает более очевидным, нежели моральный. При оценке имущественного вреда речь идет о его денежной

оценке, а не самом наличии такого вреда. В его оценке трудности возникают довольно редко, за исключением вреда причиненного жизни или здоровью. В свою очередь, моральный вред следует понимать как нравственные или физические страдания, причиненные деятельностью правонарушителя, более широкое определение содержится в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 10¹. Учитывая, что в судебной практике нет единообразия в определении расчета морального вреда, при определении его размера судьи зачастую обращаются к ст. 151 и ст. 1001 Гражданского кодекса Российской Федерации², они так же учитывают имущественное положение, лицо причинившего вред и вину самого потерпевшего, то есть обращаются к ст. 1083 данного кодекса³.

В уголовном законе возмещение вреда, причиненного преступлением, подразумевает освобождение от уголовной ответственности или же как обстоятельство смягчающее преступление. Учитывая, что потерпевший имеет цели в уголовном судопроизводстве: наказать виновное лицо и получить возмещение вреда, его мнение учитывается. Уголовное судопроизводство в данном явлении придерживается единства этих целей. Важно отметить, что, согласившись возместить вред, субъект преступления признает свою вину, то есть раскаивается, а суд учитывает подобное обстоятельство как смягчающее. Однако мнение пострадавшей стороны учитывается не во всех случаях, что естественным образом препятствует восстановлению справедливости.

Учитывая, что приведенные выше проблемы зачастую сложно избежать, потерпевший может обратиться к адвокату. Согласно ч. 1 ст. 45 УПК РФ представителем потерпевшего может выступать как адвокат, так и один из близких родственников потерпевшего, которого потерпевший заявит в ходатайстве. Адвокат в качестве участника процесса также обладает определенными правами и обязанностями, он требует исполнения своих обязанностей и от других участников процесса. Он сопровождает потерпевшего на протяжении процесса, как его представитель, помогает решать определенные проблемы, а также защищает от возможного произвола со стороны органов, осуществляющих правосудие.

¹ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кобец П. Н., Краснова К. А., Волкова М. А. Защита имущественных прав потерпевших от террористического акта: гражданско-правовой аспект // Адвокатская практика. 2018. № 5. С. 16–21.

Таким образом, судебная защита потерпевшего является первостепенной задачей уголовного судопроизводства Российской Федерации в форме защиты прав и их законных интересов. Несмотря на то, что эта конституционная гарантия обеспечивается государством, предоставляя потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, на сегодняшний день в российском правовом пространстве должной реализации не имеет в связи с малым доверием граждан к правоохранительным органам. Обращаясь в правоохранительные органы, потерпевший может столкнуться с множеством проблем, что зачастую приводит к необходимой помощи адвоката.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.01.2021).

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 25.01.2021).

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 25.01.2021).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.01.2021).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 25.01.2021).

6. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) // СПС «КонсультантПлюс» — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/ (дата обращения: 25.01.2021).

7. Кобец, П. Н. Защита имущественных прав потерпевших от террористического акта: гражданско-правовой аспект / П. Н. Кобец, К. А. Краснова, М. А. Волкова // Адвокатская практика. — 2018. — № 5. — С. 16—21.

8. Краснова, К. А. Правовые основы защиты свидетелей в Европейском Союзе / К. А. Краснова // Адвокатская практика. — 2016. — № 1. — С. 39—44.

9. Тиханьи, М. Социально-демографические характеристики потребителей наркотиков и наркоманов в Венгрии / М. Тиханьи, М. Саболич, В. Вари, К. А. Краснова // Виктимология. — 2020. — № 3 (25). — С. 53—60.

Проблема правовой защиты жертв преступлений. Психологический аспект

Ковтун К. А.

*Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Email: wermoment@mail.ru.*

Научный руководитель

Липский Н. А.

*кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет.*

Аннотация. В статье представлен анализ правовой защиты жертв преступлений, а также рассмотрение психологического состояния потерпевшего. В первой части проводится сопоставление двух противоположных сторон уголовного судопроизводства-обвиняемой и потерпевшей стороны. Опираясь на пятьдесят вторую статью конституции Российской Федерации, проводится анализ прав потерпевшего, предоставляемых государством. Во второй части статьи особое внимание уделяется жертвам насильственных действий и психологической стороне преступления. Выделяется проблематика психологической помощи и поддержки со стороны общества лицам, подвергшимся насилию. Предоставляется ряд эффективных мер для воздействия со стороны государства, которые способны положительно повлиять на дальнейшее восстановление психики жертв насильственных действий. В заключении предоставляется вывод о проведенной работе, а так же приводятся примеры усовершенствования правовой защиты жертв преступлений со стороны государства.

Ключевые слова: статистика, потерпевший, правонарушитель, психологический аспект, судопроизводство, социальное порицание, психология, психологическое давление, выгода, мошенничество, государственная поддержка, эффективные способы правового воздействия.

Для цитирования: Ковтун, К. А. Проблема правовой защиты жертв преступлений. Психологический аспект / К. А. Ковтун // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 74–79.

The Problem of Legal Protection of Victims of Crime. The Psychological Aspect

Kovtun K. A.

*St. Petersburg State Polytechnic University
Saint Petersburg, Russian Federation
Email: wermoment@mail.ru.*

Scientific supervisor

Lipskiy N. A.

*Candidate of Law Science
St. Petersburg State Polytechnic University.*

Abstract. The article presents an analysis of the legal protection of victims of crime, as well as consideration of the psychological state of the victim. In the first part, a comparison is made between the two opposite sides of the criminal proceedings-the accused and the victim. Based on the fifty-second article of the Constitution of the Russian Federation, the analysis of the rights of the victim provided by the state is carried out. In the second part of the article, special attention is paid to the victims of violent acts and the psychological side of the crime. The problems of psychological assistance and support from society to persons who have been subjected to violence are highlighted. A number of effective measures are provided for the influence of the state, which can positively affect the further recovery of the psyche of victims of violent acts. The conclusion provides a conclusion on the work carried out, as well as examples of improving the legal protection of victims of crimes by the state.

Keywords: statistics, victim, offender, psychological aspect, legal proceedings, social censure, psychology, psychological pressure, benefit, fraud, state support, effective methods of legal influence.

Исходя из статистики, предоставленной Институтом проблем правоприменения, которым был проведен всероссийский опрос граждан, каждый десятый из опрошенных становился жертвой того или иного преступления, тем самым, признавался «потерпевшим». Такая неутешительная статистика придает вопросу о правовой защите жертв преступления особую актуальность.

Стоит отметить, что в содержании данного вопроса имеет место латентная преступность, то есть преступность, которая по каким-либо причинам не была выявлена органами правопорядка, тем самым, она

не была отражена в уголовной статистике государства. Чаще всего, проблема латентной преступности имеет место быть при желании не привлекать правонарушителя, совершившего преступление, к ответственности. Данная причина чаще всего относится к преступлениям, включающим себя действия насильственного характера в семье. Латентный характер так же присущ преступлениям, которые относятся к группе насильственных, жертвы которых нередко подвергаются порицанию со стороны общества [1].

Проблематика защиты прав потерпевших играет ведущую роль в философии правосудия. Основной задачей правосудия, безусловно, является наказание лица, нарушившего целостность общественных отношений. Стоит отметить, что еще одной не менее важной задачей, которая стоит перед правосудием, является защита потерпевших, данному вопросу в законодательстве уделяется большое внимание. В конституции Российской Федерации выделена отдельная статья, посвященная жертвам преступности. Статья 52 Конституции Российской Федерации гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» [3]. Если опираться на уголовное законодательство, то опираясь на шестую статью уголовного процессуального кодекса Российской Федерации, то в 6 статье законодательством устанавливается, что защита прав потерпевших является первоочередной задачей уголовного судопроизводства.

Что касается действительного положения роли потерпевшего, то исходя из содержания уголовного процесса, жертва преступления находится в неравном положении, по сравнению с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым, то есть фактически рассматривается как второстепенный участник судопроизводства, что позволяет говорить о неполной реализации как принципа равенства сторон в уголовном процессе, так и принципа состязательности. Данное неравенство можно объяснить тем, что обнаружение факта нарушений прав одного из фигурантов судебного процесса, могут сделать неприемлемыми предоставленные ранее собранные следствием доказательства по делу, тем самым, существенно повлияв на решение по делу. Устранение данного дисбаланса характерно лишь последнему десятилетию, следствием чего является то, что на данный момент судебный процесс должен быть справедливым не только к правонарушителю, но и к жертве преступления. То есть процесс уголовного судопроизводства должен достичь равного баланса законных интересов между государством, обвиняемым и потерпевшим [5]. Для этого законодательство должно регулировать

отношения не только между государством и обвиняемым, но и между обвиняемым и потерпевшим, а также между государством и потерпевшим. Стоит так же отметить, что интересы государства защищаются органами прокуратуры, интересы обвиняемого, в свою очередь, адвокатом, в то время, как потерпевшая сторона лишь в редких случаях имеет право отстоять свои законные права и интересы с помощью адвоката. Стоит так же отметить, что как не странно, но потерпевшая сторона не может запросить помощь, в виде услуги бесплатного защитника, данное право предусмотрено только для обвиняемого.

Опираясь на законодательство можно констатировать, что спектр прав, предоставляемых обвиняемому в судопроизводстве, является обширным. К его правам относятся: право не подвергаться произвольному аресту, задержанию, обыску или конфискации; быть осведомленным о характере предъявленного обвинения и доказательствах вины; право на юридическую помощь; на публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; на дачу показаний и вызов свидетелей; на проверку показаний свидетелей обвинения и обжалование принятых решений; на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями по уголовному преследованию и другие [2].

Следующим вопросом, рассмотренным мной, стал психологический аспект, который перенимает на себя жертва преступления. В зависимости от направленности и тяжести деяния, потерпевший подвергается различным изменениям на психологическом уровне. Жертвы физического и сексуального насилия, безусловно, претерпевают особо сильное психологическое давление. В первую очередь это связано с тем, что противоправное деяние, включающее в себя действия насильственного характера, нарушают целостность и неприкосновенность человеческого достоинства. Если говорить о жертвах сексуального насилия, то чаще всего после действий насильственного характера они нуждаются в помощи квалифицированных специалистов, то есть психологов, психотерапевтов, психиатров. Так же стоит сказать, что нередко встречаются случаи, когда жертвы, не справившись с психологическим давлением самостоятельно, прибегают к амбулаторному лечению препаратами психологической направленности [4].

Сложность в вопросах о насилии добавляет то, что зачастую данный вид преступности носит латентный характер. В первую очередь это связано с тем, что чаще всего, жертва насилия боится порицания со стороны общественности, что является небеспопечно, так как все чаще встречаются случаи, когда лица, не являющиеся жертвами

сексуального насилия, выставляют себя таковыми, с целью получения выгоды от подозреваемого. Примеры данных махинаций очень часто освещаются в средствах массовой информации, тем самым подвергая жертв, которые действительно пострадали от сексуального насилия, травле в обществе. Такое пренебрежительное отношение со стороны окружающих является неправильным, так как способствует увеличению числа латентной преступности, а так же усугубляет психологическое состояние жертвы, которое и так находится в критическом состоянии. Стоит отметить, что психика жертвы насильственного преступления при любых обстоятельствах подвергается существенным отрицательным изменениям, тем самым усугубляя состояние человека в целом. Часть лиц, ставших жертвами насилия, имеют средства для обращения к психологам и проработке волнующих их вопросов, так как с такой психологической травмой практически невозможно справиться самостоятельно. Особое внимание стоит уделить тому, что стоимость помощи квалифицированного специалиста в сфере психологии и психиатрии является дорогостоящей услугой. В противном случае, при несвоевременном обращении, или при отказе от обращения к психологу, ментальное состояние жертвы насилия будет лишь ухудшаться, и может привести к непоправимым последствиям, таким как сведение счетов с жизнью [6]. Единственным выходом из данной ситуации я вижу предоставление государством бесплатной медицинской помощи жертвам насилия в обязательном порядке, что является, безусловно, единственным верным решением на данный момент. Стоит отметить, что определенная часть жертв насилия, опираясь на вышеописанные аспекты, такие как порицание общества, не видит возможным участвовать в расследовании дела и выступать в суде не анонимно, опять-таки, опасаясь порицаний. Решением данной серьезной проблемы я вижу прекращение и запрет телевизионных эфиров, демонстрирующих жертв насилия с отрицательной стороны, пытающихся извлечь выгоду из нарушителя. Публичное освещение такой конструкции заведомо закладывает в обществе отрицательное отношение к жертве насилия, прививая мнение, что жертва всегда виновата, и всегда обращается в правоохранительные органы лишь с одной целью — получение денежных средств от преступника.

В заключение своей работы хочу выделить то, что психологическому аспекту жертвы преступлений не уделяется должного внимания, что является актуальной проблемой на данный момент, и требует рассмотрения. Мною были предложены меры, способные положительно повлиять на ментальное состояние потерпевшего, в первую очередь,

потерпевшего в сфере насильственных преступлений. Предоставление психологической помощи — основной и практически единственный верный способ помочь жертвам насилия справиться с посттравматическим синдромом, приобретенным после действий насильственного характера [4]. Так же особое внимание хочется уделить распространению в средствах массовой информации мнения о том, что чаще всего, жертва сама виновата, а в правоохранительные органы обращается ради извлечения дальнейшей выгоды. Данное мнение является неверным. Допускаю, что существует ряд жертв насилия, которые на самом деле придерживаются корыстных целей, но их в разы меньше, чем тех, кто действительно обращается за помощью. Помощь потерпевших, переживших действия насильственного характера, актуальная проблема, которая нуждается в рассмотрении и принятии мер государственного воздействия.

Список литературы

1. Аванесов, Г. А. Криминология / Г. А. Аванесов. — Москва : ЮНИТИ, 2006. — 494 с.
2. Алексеев, А. И. Криминология : учебник / А. И. Алексеев. — Москва : Инфра-М, 2006. — 573 с.
3. Ананич, В. А. Криминология и профилактика преступлений : учеб.-метод. материалы / В. А. Ананич. — Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2006. — 99 с.
4. Антонян, Ю. М. Криминология. Избранные лекции / Ю. М. Антонян. — Москва : Логос, 2004. — 448 с.
5. Бумаженко, Н. И. Виктимология : учебно-методическое пособие / Н. И. Бумаженко. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2010. — 115 с.
6. Майоров, А. В Правовые основы защиты жертв преступлений в России / А. В Майоров // Виктимология. — 2016. — № 2 (8). — С. 16—21.

К вопросу о проведении судебно-психиатрических экспертиз в отношении потерпевших в условиях стационара

Корчагина Т. А.

*Рыбинский государственный авиационный
технический университет им. П. А. Соловьёва
Тутаевский филиал
г. Тутаев, Ярославская обл., Российская Федерация
E-mail: tkorrta@yandex.ru.*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о необходимости детальной регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве России возможности и условий назначения и проведения судебно-психиатрических экспертиз в отношении потерпевших в стационарных условиях. Предлагается вариант внесения соответствующих изменений в нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, помещение в стационар, потерпевший, уголовный процесс.

Для цитирования: Корчагина, Т. А. К вопросу о проведении судебно-психиатрических экспертиз в отношении потерпевших в условиях стационара / Т. А. Корчагина // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 80—86.

On the Issue of Conducting Forensic Psychiatric Examinations in Relation to Victims in a Hospital

Korchagina T. A.

*Tutaevsky Branch of the Rybinsk State
Aviation Technical University named after P. A. Solovyov
Tutaev, Yaroslavl region, Russian Federation
E-mail: tkorrta@yandex.ru.*

Annotation. The article discusses the need for detailed regulation in the criminal procedure legislation of Russia of the possibility and conditions for the appointment and conduct of forensic psychiatric examinations in relation to victims in inpatient conditions. The option of making appropriate changes to the regulatory legal acts is proposed.

Keywords: Forensic psychiatric examination, a room in the hospital, the victim, the criminal process.

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство предназначено, одновременно, для защиты как прав и законных интересов потерпевших, так и личности — от ограничения ее прав и свобод. Тема проведения судебно-психиатрических экспертиз в условиях стационара в отношении участников уголовного судопроизводства представляет значительный интерес в контексте обеих упомянутых позиций. Вместе с тем, данный вопрос применительно к подозреваемому, обвиняемому российским законодательством регламентирован. В частности, для помещения в стационар лиц, не находящихся под стражей, требуется принятие соответствующего судебного решения. Алгоритм действий следователя или дознавателя при возникновении необходимости в производстве аналогичных действий применительно к потерпевшим или свидетелям в УПК РФ отсутствует. Уже ввиду указанного момента тема настоящей статьи является важной и актуальной. Она имеет практическое применение в рамках уголовного процесса, затрагивая одновременно области как судебной психиатрии, так и основ конституционного строя страны.

Автор статьи ранее проходил службу в системе следственных органов и расследовал уголовное дело, в рамках которого, в соответствии с п. 4 ст. 196 УПК РФ, назначалась и проводилась амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза в отношении несовершеннолетнего потерпевшего. Экспертам предоставлялись материалы уголовного дела, медицинская документация потерпевшего, а также была обеспечена явка последнего. Несмотря на получение всех интересующих источников информации, эксперты не смогли ответить на интересовавшие следствие вопросы о психическом состоянии потерпевшего, его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. Без получения ответа на них окончить уголовное дело производством было крайне затруднительно. В экспертном заключении указывалось, что для ответа на поставленные вопросы необходимо проведение стационарной психиатрической экспертизы. При этом законный представитель потерпевшего сделал

письменное заявление о том, что возражает против помещения своего ребенка в психиатрический стационар.

Изучив нормы российского законодательства, автор обнаружил наличие пробела по интересующему вопросу. Примечательно, что в отдельных случаях суды выносили решения о помещении потерпевших в стационар для производства экспертизы, однако они отменялись постановлениями вышестоящих судов. Так, в постановлении Президиума Верховного Суда Удмуртской Республики описано, что помещение потерпевшего в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы, допускается лишь с согласия потерпевшего [2]. Процессуальным законодательством не предусмотрена возможность его помещения в подобную организацию в принудительном порядке.

Для обеспечения полноты и объективности расследования дела, используя, посредством переноса, нормы УПК РФ о помещении в психиатрический стационар подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, автор с согласия руководителя следственного органа обратился в суд с соответствующим ходатайством, однако в его удовлетворении было отказано.

В постановлении суда указывалось о необходимости соблюдать принцип уважения чести и достоинства личности, прямо закрепленный в ч. 1 ст. 9 УПК РФ. Согласно ему запрещены, в том числе, действия, создающие опасность для жизни и здоровья участника уголовного судопроизводства. При этом, по общему правилу, психиатрическая помощь в России оказывается добровольно и при наличии информированного согласия на медицинское вмешательство¹. В рассматриваемом случае подобное согласие получено не было.

Уместно привести и положения ст. 28 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», согласно которым государственное судебно-экспертное учреждение не вправе производить судебную экспертизу в отношении лица в принудительном порядке, если в процессуальном законодательстве РФ не содержится прямого указания на возможность его принудительного направления на судебную экспертизу².

¹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании. Закон РФ № 3185-1 от 02.07.1992 (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения: (26.01.2021)).

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Федеральный закон № 73-ФЗ от 31.05.2001 (ред. от 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: (26.01.2021)).

В уголовно-процессуальном праве России подобное прямое указание о возможности проведения экспертизы потерпевшим отсутствует.

Возвращаясь к приведенному выше постановлению Президиума Верховного Суда Удмуртской Республики, следует отметить, что между вынесением судом первой инстанции постановления, разрешающего помещение потерпевшего лица в стационар для проведения экспертизы, и вынесением судом кассационной инстанции постановления об его отмене и прекращении производства по ходатайству следователя прошло более 9 месяцев [2]. В случае, если проведение стационарной экспертизы завершалось, ее результаты не могли быть положены в основу обвинения или использоваться в качестве доказательства по уголовному делу.

Безусловно, вопрос стационарного обследования потерпевшего при проведении экспертизы требует детального рассмотрения и расчета всех возможных рисков для его физического, психического и психологического здоровья. Нельзя допустить возможности еще сильнее навредить состоянию жертвы преступления.

Анализ юридической литературы показал, что следователи и дознаватели на практике нередко встречаются с описанной выше проблемой [5]. При этом исследователи предлагают диаметрально противоположные решения — от необходимости законодательного закрепления полного запрета производства судебных экспертиз в отношении потерпевших в условиях стационара [4] до легального оформления разрешения указанного процессуального действия [1]. Придерживаясь последней позиции, автор статьи полагает, что на данном этапе основная цель — четко регламентировать вопрос возможности или запрета проведения стационарных психиатрических судебных экспертиз потерпевшим без получения их согласия на законодательном уровне.

Данная тема является многоаспектной и дискуссионной, затрагивает не только юридическую науку, но и медицину, психологию, а также этику. Ее реализация предполагает, фактически, применение мер государственного принуждения в отношении потерпевшего [3]. Однако проблема проведения стационарной экспертизы затрагивает интересы не только отдельной личности потерпевшего (его законного представителя) или подозреваемого, обвиняемого, но и всего общества. При неурегулированности данного вопроса возникают различные трактовки российского законодательства со стороны правоприменителей.

В частности, пунктами 2, 4, 5 статьи 196 УПК РФ закреплён перечень случаев обязательного назначения и производства судебной экспертизы

в отношении потерпевших¹. Тем не менее, если амбулаторная психиатрическая экспертиза проведена, а ее результаты не позволили сделать те или иные выводы, то расследование конкретного уголовного дела может превратиться в большую проблему. Оспаривание судебного решения в апелляционной и кассационной инстанциях подразумевает значительные временные затраты и ведет к нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства. Впоследствии данное обстоятельство может привести к освобождению подозреваемого, обвиняемого из-под стражи и допущению возможности совершения им новых преступлений. В некоторых случаях запрет проведения потерпевшему стационарной психиатрической экспертизы влечет «занижение» квалификации действий виновного лица, например, невозможность привлечения преступника к уголовной ответственности по ст. 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего психическое расстройство потерпевшего, или по п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ за совершение изнасилования, повлекшего по неосторожности причинение определяемого по тому же критерию тяжкого вреда здоровью потерпевшей². Данное обстоятельство противоречит принципу социальной справедливости и общественным интересам.

Вместе с тем, нерешенным остается вопрос о возможности использования показаний потерпевшего в качестве доказательств по уголовному делу, так как в ходе предварительного следствия не разрешены сомнения в его способности правильно воспринимать обстоятельства уголовного дела и давать о них показания.

Исходя из вышеизложенных позиций, необходимость детальной регламентации действий правоприменителей при возникновении необходимости проведения стационарной психиатрической судебной экспертизы и ее разновидностей в отношении потерпевшего не вызывает сомнений.

Касааясь юридических аспектов данной проблемы, уместно вспомнить и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ о возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина лишь федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях, в том числе, здоровья, прав и законных интересов других лиц³.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: (26.01.2021)).

² Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: (26.01.2021)).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: (26.01.2021)).

Однако Конституционный Суд РФ указывал, что обязательность проведения экспертиз в отношении потерпевшего исключительно в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ, направлена на достижение конституционно значимых целей и не может рассматриваться как недопустимое ограничение прав и свобод¹.

Таким образом, необходимо внесение соответствующих изменений в федеральное законодательство и, в первую очередь, в УПК РФ.

Автор полагает, что необходимо на законодательном уровне решить проведение стационарных психиатрических экспертиз потерпевших лиц. При этом для обеспечения их прав и законных интересов следует закрепить обязательность первичного проведения психиатрической экспертизы в амбулаторных условиях с предоставлением экспертам необходимой медицинской документации подэкспертного. При проведении экспертизы следует предусмотреть включение в состав экспертной комиссии лечащего врача потерпевшего (при его наличии) и постановления перед экспертной комиссией вопроса, рекомендуется ли проведение потерпевшему лицу стационарной судебно-психиатрической экспертизы. То есть комиссии экспертов предлагается не только констатировать факт невозможности дачи ответа на поставленные перед ней вопросы в амбулаторных условиях, но также оценить целесообразность проведения экспертизы в стационаре и вероятность ухудшения при этом состояния потерпевшего. Ответ на изложенный вопрос следует дать с учетом данных о личности, анамнеза, психического состояния потерпевшего, При даче экспертами положительного ответа на вопрос о целесообразности проведения потерпевшему стационарной судебно-психиатрической экспертизы, в УПК РФ надлежит закрепить процедуру обращения следователя или дознавателя в суд с ходатайством о помещении потерпевшего в стационар в вышеуказанных целях.

Конечно, описанная проблема является сложной и неоднозначной. Ввиду вышеуказанных вопросов, возникающих при ее решении, важна детальная проработка критериев необходимости и возможности помещения потерпевшего в стационар, с учетом его состояния здоровья, особенностей интеллектуальной и эмоциональной сфер. Предварительно следует провести широкую научную дискуссию с участием ведущих специалистов в области юриспруденции, психиатрии

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Максимовой Кристины Валерьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 статьи 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ № 88-О от 28.01.2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=452388#06562860367576753> (дата обращения: (26.01.2021).

и медицинской психологии. В целях поддержки потерпевших и членов их семей необходимо предусмотреть систему социальной поддержки, включая, например, выдачу листка временной нетрудоспособности подэкспертному и соответствующие выплаты за период его нахождения в стационарных условиях.

При рассмотрении изложенного вопроса необходимо рассмотреть много проблемных аспектов. Вместе с тем, его решение крайне важно как для участников уголовного процесса, так и для российского общества в целом.

Список литературы

1. Лукьянова, А. А. Некоторые проблемы производства принудительной психиатрической судебной экспертизы в отношении потерпевшего / А. А. Лукьянова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями или иными правонарушениями. — 2020. — № 20-1. — С. 98—100.
2. Постановление Президиума Верховного Суда Удмуртской Республики № 44У-77/2018 4У-564/2018 от 03.08.2018 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2lcqs3JrpG8/> (дата обращения: (26.01.2021).
3. Утебаева, Э. М. Проблемы принудительной госпитализации для производства стационарной судебно-медицинской экспертизы / Э. М. Утебаева // Актуальные вопросы права, экономики и управления : сборник статей XX Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Часть 2. — 2019. — С. 89—92.
4. Холодов, А. В. Проблемы правового регулирования и практики применения назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы в российском уголовном судопроизводстве / А. В. Холодов // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 3 (58). — С. 107—111.
5. Шадрин, В. С. Процессуальное принуждение и убеждение при производстве следственных действий. Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования / В. С. Шадрин. — Москва : Деловой двор, 2017. — 126 с.

Координационная деятельность прокуратуры по предупреждению преступности

Карсанова Д. А.

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: karsanovadayanka@gmail.com.

Научный руководитель

Севостьянов Р. А.

кандидат юридических наук

Саратовская государственная юридическая академия.

Аннотация. В статье дается краткая характеристика координационной деятельности прокуратуры и роли прокуратуры в предупреждении преступности. Автором обозначены основные проблемы и пути совершенствования координационной деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, преступность, предупреждение преступности, координационная деятельность.

Для цитирования: Карсанова, Д. А. Координационная деятельность прокуратуры по предупреждению преступности / Д. А. Карсанова // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 87–91.

Coordinating Activities of the Prosecutor's Office on Crime Prevention

Karsanova D. A.

Saratov State Academy of Law

Saratov, Russian Federation

E-mail: karsanovadayanka@gmail.com.

Scientific supervisor

Sevostyanov R. A.

Candidate of Law Science

Saratov State Academy of Law.

Abstract. The article provides a brief description of the coordination activities of the Prosecutor's Office and the role of the Prosecutor's Office

in crime prevention. The author identifies the main problems and ways to improve the coordination activities of the prosecutor's Office.

Keywords: prosecutor's office, crime, crime prevention, coordination activity.

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью информационного, организационного и координационного обеспечения деятельности по предупреждению преступности с целью обеспечения эффективности данной деятельности.

В настоящее время одним из основных по значимости органов, противодействующих правонарушениям и координирующих деятельность иных правоохранительных органов, выступает прокуратура.

Из всех функций, возложенных на данный орган, именно координацию относят к основным базовым функциям как к инструменту по профилактике и предупреждению правонарушений. Координация обозначает упорядочение действий, приведение их в соответствие с законом и общей целью.

Характерными чертами координационной деятельности прокуратуры являются:

- цель — создание основы, условий для результативной борьбы с преступностью;

- задачи: выявление причин совершения преступлений; изучение статистики преступности; разработка мер профилактики и борьбы с преступностью; разработка планов координационных совещаний; реализация на практике решений совещаний.

- средства: координационные совещания, деятельность по изучению статистики, причин преступности и разработка мер по противодействию преступности.

Для эффективной борьбы с преступностью координационная деятельность также должна быть строго спланированной и высокопрофессиональной.

Общность целей в борьбе с преступностью должна стать главным стимулирующим звеном в работе правоохранительных органов. Это будет выражаться в своевременном выявлении, пресечении, предупреждении, расследовании и раскрытии преступлений, а также принятии мер по устранению условий возникновения данных асоциальных явлений. Каждому органу правоохранительной системы соответствует координация в пределах, предоставленных им законодательством полномочий¹.

¹ Шобухин В. Ю. Координационная деятельность прокуратуры в РФ и республик Казахстан: сравнительно-правовой анализ // Международное публичное и частное право. 2019. № 1. С. 45.

Наличие стратегии и правильно разработанной тактики в сочетании с эффективностью взаимодействия органов правоохранительной системы в пресечении правонарушений служит положительным показателем в координационной деятельности, что показывает высокий уровень организационного обеспечения.

Одна из основ эффективной координации — это четко разработанная стратегия действий и организационных основ деятельности по координации.

Ключевым механизмом является выработка единых целей, разработка совместных согласованных действий, чёткое следование поставленным планам, либо совместное быстрое реагирование на изменяющуюся обстановку. С другой стороны, укрепление позиций законности как в целом в стране, так и в областях и административных районах. В связи с этим требуется координационная работа в областных правоохранительных органах в борьбе, направленной на противодействие и профилактику терроризма, экстремизма, распределение их компетенций, определение форм и методов борьбы с данными явлениями. Одним из приоритетных направлений служит поднятие и обеспечение на должном уровне координационной деятельности в прокуратурах городов и районов¹.

Повышение координирующей функции прокуратуры требует усиления правовых полномочий в плане противодействия и профилактики экстремизма и терроризма. Для этого следует совершенствовать методы и формы взаимодействия прокуратуры и правоохранительных органов с другими органами, такими как суды, органы исполнительной и законодательной власти. Чтобы обеспечить эффективное взаимодействие, требуется подробно расписанная нормативная регламентация при подготовке и обмене информацией для разработки плана по проведению совместных мероприятий, проработка основных вопросов, связанных с подготовкой данных мероприятий, созданием процедур разрешения противоречий, возникающих в процессе непосредственной координации деятельности между соответствующими органами².

Но совершенствование методов не будет иметь эффективности без законодательного подкрепления. Следует расширить на законодательном уровне права органов прокуратуры относительно борьбы с преступностью, расширив их возможности по координированию

¹ Чужов Д. В. Особенности координационной деятельности прокуратуры // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей IX Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч 2. 2019. С. 124—126.

² Демченко Н. А. Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 3. С. 487.

не только деятельности правоохранительных органов, но и органов государственного контроля. Возможно закрепление данной функции в отдельной статье соответствующего Закона.

Одним из главных условий успешной и продуктивной координации деятельности правоохранительных органов в упомянутой сфере выступает упорядоченная система по обмену информацией. Данная система должна включать в себя сведения о лицах, совершивших преступления, а также иные неприступные правонарушения; сведения о семьях, которые находятся в социально опасном положении. Наличие системы, позволяющей обмениваться информацией подобного рода, благоприятно сказалось бы на результатах координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью: на предупреждении и пресечении таких преступлений.

Очевидно, прокуроры должны принимать меры, гарантирующие точность поступающей в прокуратуру информации о преступлениях и иных правонарушениях, направленные на уменьшение числа необоснованно возбуждаемых или необоснованно прекращаемых уголовных дел, к сокращению и исключению из практики незаконных отказов в возбуждении уголовных дел. Прокуроры могут проводить при необходимости и наличии оснований прокурорские проверки исполнения законов в любой деятельности, связанной с регистрацией заявлений и сообщений о преступлениях и иных правонарушениях. Прокуроры должны реагировать на все случаи сокрытия преступлений и правонарушений от учета во всех государственных органах и общественных организациях.

Список литературы

1. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») : Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 07.12.2016) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 17. — Ст. 1958.
2. Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности : приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2012 № 7 // Законность. — 2012. — № 3.
3. Демченко, Н. А. Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью / Н. А. Демченко // Аллея науки. — 2018. — Т. 3, № 3. — С. 487—493.
4. Чужов, Д. В. Особенности координационной деятельности прокуратуры / Д. В. Чужов // Современные научные исследования: актуальные

вопросы, достижения и инновации : сборник статей IX Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 2. — 2019. — С. 124—126.

5. Шобухин, В. Ю. Координационная деятельность прокуратуры в РФ и республики Казахстан: сравнительно-правовой анализ / В. Ю. Шобухин // Международное публичное и частное право. — 2019. — № 1. — С. 45—48.

Личность преступника и жертвы в преступлениях семейно-бытовой направленности

Лукьянова Я. Г.

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: Jan.lukyanova@yandex.ru.

Научный руководитель

Севостьянов Р. А.

кандидат юридических наук

Саратовская государственная юридическая академия.

Аннотация. В статье исследована криминологическая характеристика личности преступника и виктимологическая характеристика жертвы в преступлениях семейно-бытовой направленности. Рассмотрены элементы структуры личности семейно-бытового преступника и его жертвы. Определены основные криминологические признаки, сформулирован криминологический портрет личности семейно-бытового преступника и виктимологические особенности жертвы.

Ключевые слова: преступления семейно-бытовой направленности, преступник, жертва, личность преступника, криминологический портрет преступника, виктимологический портрет жертвы.

Для цитирования: Лукьянова, Я. Г. Личность преступника и жертвы в преступлениях семейно-бытовой направленности / Я. Г. Лукьянова // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 92–101.

The Identity of the Criminal and the Victim in Crimes of Family and Domestic Orientation

Lukyanova Ya. G.

Saratov State Academy of Law

Saratov, Russian Federation

E-mail: Jan.lukyanova@yandex.ru.

Scientific supervisor

Sevostyanov R. A.

Candidate of Law Science

Saratov State Academy of Law.

Abstract. The article examines the criminological characteristics of the criminal's personality and the victimological characteristics of the victim in crimes of family and household orientation. The elements of the personality structure of the family and domestic criminal and his victim are considered. The main criminological features are defined, the criminological portrait of the personality of the family and domestic criminal and victimological features of the victim are formulated.

Keywords: crimes of family and domestic orientation, criminal, victim, criminal personality, criminological portrait of the criminal, victimological portrait of the victim.

Проблема личности является одной из центральных для наук, связанных с преступностью, прежде всего — для криминологии. Преступник, как и любой человек, оценивается как деятельное существо, чей образ жизни накладывает решающий отпечаток на его личность. Наиболее важной в понимании специфики личности преступника является ее криминологическая характеристика, поскольку она отражает наиболее существенные признаки личности. В частности, такой характеристикой преступной личности является ее антисоциальная направленность. Поэтому, в отличие от законопослушных людей, антиобщественная установка личности преступника направлена на совершение конкретных преступлений. Поэтому, важную роль в противодействии семейно-бытовой преступности и прежде всего насильственных ее форм, играет исследование криминологической характеристики лица, совершающего преступление в сфере семейно-бытовых отношений, а также формулировка его криминологического портрета.

Криминологическая характеристика личности преступника — это криминологическое описание комплекса социально значимых признаков лица, наделенного такими качествами учитывая его взаимодействие с внешними условиями и обстоятельствами, которое приводит к совершению им преступных актов в семейно-бытовой сфере. Мы поддерживаем общепринятое определение личности преступника как комплекса социально значимых признаков, связей и отношений, которые характеризуют человека (лицо), виновного в нарушении уголовного закона. Общепринятым является подход, что структура личности преступника предполагает наличие трех групп признаков (свойств, качеств):

- 1) социально-демографические (пол, возраст, социальное положение, уровень образования, семейное положение, род занятий и т. д.);
- 2) уголовно-правовые (содержание и мотивация, единоличный или групповой характер преступной деятельности, длительность и интенсивность преступной деятельности, наличие или отсутствие судимости и т. п.);
- 3) социально-психологические свойства и качества лиц, совершивших преступление (мировоззрение, интересы и жизненные установки)¹.

Исходя из вышеизложенного, мы будем проводить криминологическую характеристику семейно-бытового (насиленного) преступника по таким признакам как: социально-демографические, уголовно-правовые и социально-психологические свойства.

Социально-демографическая характеристика семейно-бытового преступника, содержит данные о поле, возрасте, образовании, месте рождения и проживании, гражданстве и других данных демографического характера. С одной стороны, эти характеристики личности не являются криминогенными и не характеризуют отдельную личность как преступную личность. Но если эти данные берутся на уровне отдельных видов преступности, в частности относительно семейно-бытового насилия, то они дают необходимую научную информацию о личности семейно-бытового преступника.

По результатам исследований социально-демографической характеристики личности преступников в сфере семейно-бытовых отношений свидетельствует о следующем: подавляющее большинство семейно-бытовых преступлений совершаются мужчинами — 75 % от удельного веса всех семейно-бытовых преступлений².

¹ Криминология : учебн. для вузов / под ред. В. П. Малкова. Москва : Юстицинформ, 2018. С. 282.

² Харламов В. С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование) : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / В. С. Харламов. Санкт-Петербург, 2018. С. 375.

Значительное преимущество мужчин объясняется психофизическими особенностями мужчин и женщин, а также спецификой их социальных ролей. Мужчины по сравнению с женщинами в большей степени ориентированы на агрессивность и насилие. Среди них больше тех, которые имеют разного рода психические патологии; злоупотребляющих спиртными напитками; отбывали наказание в местах лишения свободы. Названные факторы способствуют тому, что мужчины в условиях конфликтных ситуаций действуют импульсивно, неуравновешенно, используя физическое превосходство над жертвой, стремятся унижить, проучить, наказать последнюю¹.

Женщины, по своей природе являясь слабее мужчин в физическом аспектах, реже решаются на совершение противоправного деяния в семейно-бытовой сфере. Однако, в наше время прогрессирует женский аморализм, который проявляется в сексуальном разврате, пьянстве, бытовой нечистоплотности. Определенная часть женщин становится грубыми, жестокими и агрессивными. В этом смысле они мало чем отличаются от преступников мужского пола².

Важным элементом социально-демографической характеристики личности преступника выступает его возраст. Возрастная характеристика личности преступника, свидетельствует, во-первых, об особенностях преступного поведения представителей тех или иных возрастов, во-вторых, позволяет установить наиболее криминогенную возрастную группу среди преступников того или иного вида преступления, в-третьих, помогает раскрыть сущность ценностных ориентиров, потребностей, целей, планов преступников разного возраста и т. п.

На основе обобщенных данных установлено, что наиболее высокая криминальная активность отмечается у преступников в возрасте 30—40 лет (30 %) и 25—29 лет (25 % случаев). Судьба преступников более младшего возраста (18—24 лет) составляет 15 %. Определенной неожиданностью стал достаточно высокий удельный вес преступников старших возрастных групп: 41—50 лет — 17 % и более 50 лет — 12 %³. Этот возраст — третий кризисный жизненный период, характеризующийся повышенной криминогенностью членов семейно-бытовой микрогруппы. Длительный опыт семейной жизни у определенной категории граждан ослабляет положительные чувства к партнеру, способствует накоплению

¹ Коцюба В. А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений (по материалам Дальневосточного региона) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Коцюба. Хабаровск, 2004. С. 61.

² Айрапетян М. Г., Погребатько Е. С. Личность преступника и его жертвы в преступлениях семейно-бытовой направленности // Science Time. 2016. № 12 (36). С. 26.

³ Матасарь Ю. Г. К вопросу о личности преступника, совершающего насильственные преступления в семейно-бытовой сфере // Юридический факт. 2019. № 67. С. 8.

критической массы взаимного неуважения, обид и неприязни. Многолетний опыт деструктивного общения, со всеми вытекающими отсюда вытекающими глубинными личностными деформациями, делает конфликт своеобразным наркотиком, формирует устойчивую психологическую зависимость у лиц, вовлеченных в совместную семейную жизнь¹.

Совершение насильственных семейно-бытовых преступлений нетипично для несовершеннолетних (1 %). Установлено, что они в ожесточенном конфликтном противостоянии нередко остаются своеобразным буфером между родителями, однако впоследствии примыкают к обиженной стороне, как правило, матери, и совершают расправу над отцом, семейным тираном.

Выяснение семейного положения лиц, совершающих семейно-бытовое насилие, считаем нецелесообразным, поскольку лица, не состоящие в браке, не входят в субъектный состав указанной категории преступлений или их доля незначительна.

В криминологической литературе обращалось внимание на тот факт, что криминальное насилие коррелирует с низкой культурой и проблемами в интеллектуальном развитии. Исследования показывают, что среди осужденных за внутрисемейное насилие высшее образование имели только 5,5 %; незаконченное высшее — 2,5 %; среднее специальное — 21,0 %; среднее общее — 47,2 %; неполное среднее — 23,8 %². Таким образом, малообразованные, интеллектуально и духовно убогие люди значительно чаще создают различные конфликтные ситуации с членами семейно-бытового окружения. У таких лиц заниженная самокритика, узкий кругозор, примитивные потребности и интересы, а потому среди них более распространен культ грубой физической силы³.

Существенное значение имеют сведения о социальном положении и роде занятий лиц к совершению преступления. Подавляющая часть правонарушителей (58,2 %) относилась к лицам без постоянного источника дохода; 22,8 % были неквалифицированными рабочими; 6,5 % — учащимися; 5,1 % являлись служащими; 4,5 % — пенсионерами; 2,9 % работали в сфере обслуживания⁴. Общая тенденция

¹ Костыря Е. А., Никитин А. В., Харламов В. С., Прохорова М. И., Мыльникова С. А. Бытовая и семейная преступность на Северо-Западе России: криминологический анализ : монография. Санкт-Петербург, 2010. С. 103.

² Харламов В. С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование) : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08. Санкт-Петербург, 2018. С. 377.

³ Шестаков Д. А. Семейная криминология: кримиофамилистика. Санкт-Петербург : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 108.

⁴ Харламов В. С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье. С. 378.

криминологических исследований в рассматриваемом аспекте отражает максимальную криминогенность лиц без постоянного источника дохода (58,2 %) и, прежде всего, безработных. За ними следуют в порядке убывания неквалифицированные рабочие (22,8 %). Непрестижный физический труд, его однообразие и истощаемостью ликвидирует влечение у людей к творчеству, отнимает много физических и психических усилий, требует определенных условий для восстановления физиологических возможностей. Отсутствие таких условий компенсируется систематическим употреблением спиртных напитков с целью «снятия напряжения» после работы, что становится почти неизбежной традицией. В таких коллективах складывается специфический микроклимат, в котором царят грубость, бестактность, безнравственность, алкогольные традиции, искаженная система ценностей, привычек, приветствуется примат насильственного решения любых недоразумений. Поэтому, на таких работах, как правило, «оседают» деморализованные лица, которые могут максимально легко адаптироваться в подобной среде.

Что касается уголовно-правовых признаков семейно-бытового преступника, то согласно данным, которые приводит Л. В. Сердюк, каждый третий из преступников этой категории ранее совершал преступления, среди которых доминируют преступления корыстной направленности, то есть кражи (36 %), грабежи (9 %), разбои (4 %), умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (2 %), мошенничество и вымогательство (1 %), а также преступления насильственной направленности (24 %), в том числе половые преступления (6 %)¹. Отбывание наказания в местах лишения свободы формирует у осужденных определенный криминогенный потенциал. Поэтому осужденные после освобождения значительно чаще создают конфликтные ситуации, которые решают в основном с позиции грубой силы.

Социально-психологические признаки личности преступника характеризуют направленность личности, ее мотивационную сферу, систему потребностей, предпочтений и интересов конкретного лица. Считается, что направленность (установка) таких лиц является асоциальной, мотивация является анархической, эгоистичной. Потребности являются искривленными, а способы их удовлетворения — общественно опасными. Для отдельных преступников характерно психологическое отчуждение, отсутствие эмоциональных контактов с другими людьми. Мир воспринимается ими как отрицательный, враждебный. Это обуславливает внутреннюю готовность к совершению преступлений

¹ Сердюк Л. В. Семейно-бытовое насилие: криминологический и уголовно-правовой анализ. Москва : Юрлитинформ, 2015. С. 177.

с целью защиты своих интересов или интересов своей социальной группы¹.

Исследования показывают, что 54 % виновных, соответственно, злоупотребляли спиртными напитками (речь идет о бытовом пьянстве), а 2,6 %, 2 % — наркоманы. Главным лейтмотивом большинства семейно-бытовых конфликтов является злоупотребление преступником, кстати, нередко совместно с потенциальной жертвой, спиртными напитками. Пьяный теряет способность к адекватному восприятию внешней среды, людей, их поступков, становится невыдержанным, развязным и грубым. Этим и объясняется тот факт, что значительная часть семейно-бытовых преступлений совершается в состоянии опьянения².

Л. В. Сердюк отмечает, что исследования уголовных дел, в которых жертвой семейных преступлений был несовершеннолетний, показало, что среди установленных мотивов большую часть составляют неприязненные отношения (55,5 %). Второе место среди установленных мотивов занимают месть и корыстные мотивы — 22 % и 18,5 % соответственно³. Такой результат не случаен, поскольку виновных нередко толкает на совершение преступления стремление отомстить за прежние унижения, избиения, издевательства, действительные или мнимые измены, которые актуализируются при межличностных столкновениях.

Учитывая вышеприведенные данные, по нашему мнению, криминологическая характеристика личности преступника, совершающего семейно-бытовое преступление, выглядит следующим образом: мужчина в возрасте 25—40 лет, женат, со средним уровнем образования, может иметь низкое интеллектуальное развитие, преимущественно безработный или с отсутствием постоянного места работы, или является работником низкой квалификации, с признаками девиантного поведения (склонен к употреблению алкогольных напитков, наркотических веществ, совершению правонарушений и игнорированию правовых норм).

Особое внимание при изучении семейно-бытовых преступлений и, прежде всего, их насильственной формы следует уделить виктимологической характеристике жертв.

Очень важным и криминологически значимым фактором являются характер отношений между потерпевшими и преступниками,

¹ Игнатович В. Э. Борьба с насилием в быту (историко-правовой анализ российского законодательства): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2003. С. 78.

² Айрапетян М. Г., Погребатько Е. С. Личность преступника и его жертвы в преступлениях семейно-бытовой направленности // Science Time. 2016. № 12 (36). С. 28.

³ Сердюк Л. В. Семейно-бытовое насилие: криминологический и уголовно-правовой анализ. Москва: Юрлитинформ, 2015. С. 174.

их социально-бытовые связи на момент совершения преступления. Кроме того, установлено, что чем ближе связь (по степени родства, интенсивности развития, продолжительности и т. п.) между потерпевшим и преступником, тем выше вероятность стать жертвой семейно-бытового насилия¹.

Жертвами семейно-бытового насилия становятся преимущественно женщины. Причиной этому является гендерное неравенство, влияние исторических, социально-культурных, экономических и политических факторов, которые отражаются на психическом состоянии жертвы и определяют виктимность ее поведения. Женщины, подвергшиеся семейно-бытовому насилию, характеризуются такими общими чертами: имеют низкую самооценку; разделяют мифы о насильственных отношениях; придерживаются традиционных представлений о семье, о роли женщины в семье и обществе, о «женском предназначении»; склонны брать на себя ответственность за действия обидчика; страдают от чувства вины и отрицают чувство гнева по отношению к обидчику; в основном пассивные, но при этом достаточно сильны, чтобы использовать окружение для выживания, а иногда — во избежание очередного акта насилия; демонстрируют признаки ощутимой реакции на стресс и выражают жалобы, указывающие на психофизиологические расстройства; считают, что «успешные» сексуальные отношения (собственно, сексуальные услуги доминирующему партнеру) могут стабилизировать отношения в целом; убеждены, что никто не может помочь им решить проблему насилия в семье².

Однако, хотя женщины преимущественно и становятся жертвами семейно-бытового насилия, в случаях с летальными последствиями жертвами выступают часто мужчины, а женщина — преступником, насильником.

Довольно часто жертвами насилия в семье становятся пожилые люди и индивиды, которые имеют определенные особенности психики, отсталость умственного развития (в частности, имбецилы) или имеют другие психические недостатки. Это связано с их беспомощностью, невозможностью контролировать и полностью осознавать свои действия и действия других лиц. То есть, они часто могут элементарно не понимать факта применения насилия и противозаконности поведения обидчика. Такие лица становятся легкой «добычей» для насильников, они могут легко на них сорваться, проявить свою ярость.

¹ Коцюба В. А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений (по материалам Дальневосточного региона) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 2004. С. 94.

² Нигматуллин М. Р. Виктимологическая характеристика жертв семейно-бытовых преступлений // Виктимология. 2017. № 4 (14). С. 30.

Сравнительный анализ соотношения образовательного уровня преступников и потерпевших в зависимости от тяжести совершенного семейно-бытового преступления обнаруживает интересную закономерность: с повышением тяжести преступлений увеличивается доля пострадавших с более низким уровнем образования, и, соответственно, уменьшается доля пострадавших с более высоким уровнем образования, чем преступников. Итак, чаще всего тяжкие насильственные преступления совершаются в семье лицами с более высоким образовательным уровнем, чем у их жертвы, а менее тяжкие — лицами с более низким уровнем образования, чем в их жертвы. Общая закономерность, следующая: чем выше уровень образования человека, совершившего насилие в семье, тем ниже уровень образования лица, пострадавшего от этого, и наоборот¹.

Итак, семейно-бытовая преступность является проблемным явлением для государства. Жертвами выступают преимущественно женщины. На развитие преступности в сфере семейно-бытовых отношений значительное влияние оказывают фоновые явления. Это такие антисоциальные, негативные явления, как алкоголизм, проституция, наркомания, социальный паразитизм, правовой нигилизм, безнадзорность и др. Следует подчеркнуть, что они влияют на виктимность не только жертвы, но и преступника. У последнего развиваются неуверенность в себе и желание ее «компенсировать», неконтролируемость эмоций и действий, деформацию правового сознания, что как следствие приводит к насилию. А жертва, в психологическом и поведенческом статусе которой усматривается влияние асоциальных явлений, сознательно или бессознательно провоцирует обидчика, или же, находясь в пассивном состоянии, не осознает и не может адекватно оценить характер примененного к ней насилия.

Список литературы

1. Айрапетян, М. Г. Личность преступника и его жертвы в преступлениях семейно-бытовой направленности / М. Г. Айрапетян, Е. С. Погребатко // *Science Time*. — 2016. — № 12 (36). — С. 25—29.
2. Игнатович, В. Э. Борьба с насилием в быту (историко-правовой анализ российского законодательства) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. Э. Игнатович. — Санкт-Петербург, 2003. — 143 с.
3. Костыря, Е. А. Бытовая и семейная преступность на Северо-Западе России: криминологический анализ : монография / Е. А. Костыря,

¹ Нигматуллин М. Р. Виктимологическая характеристика жертв семейно-бытовых преступлений // *Виктимология*. 2017. № 4 (14). С. 30.

А. В. Никитин, В. С. Харламов, М. И. Прохорова, С. А. Мыльникова. — Санкт-Петербург, 2010. — 192 с.

4. Криминология : учебн. для вузов / под ред. В. П. Малкова. — Москва : Юстицинформ, 2018. — 528 с.

5. Матасарь, Ю. Г. К вопросу о личности преступника, совершающего насильственные преступления в семейно-бытовой сфере / Ю. Г. Матасарь // Юридический факт. — 2019. — № 67. — С. 7—10.

6. Нигматуллин, М. Р. Виктимологическая характеристика жертв семейно-бытовых преступлений / М. Р. Нигматуллин // Виктимология. — 2017. — № 4 (14). — С. 29—32.

7. Сердюк, Л. В. Семейно-бытовое насилие: криминологический и уголовно-правовой анализ / Л. В. Сердюк. — Москва : Юрлитинформ, 2015. — 320 с.

8. Харламов, В. С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование) : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / В. С. Харламов. — Санкт-Петербург, 2018. — 710 с.

9. Шестаков, Д. А. Семейная криминология: криминофамилистика / Д. А. Шестаков. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. — 389 с.

Риски и факторы виктимизации жертв преступлений в банковской сфере

Михайлова А. В.

Российский государственный университет правосудия

Северо-Западный филиал

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: mikhailowaanzhela@yandex.ru.

Научный руководитель

Краснова К. А.

кандидат юридических наук

Российский государственный университет правосудия

E-mail: krasnova_up@rambler.ru.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема виктимизации клиентов банков и иных кредитных учреждений. Указаны внешние и внутренние факторы, влияющие на формирование виктимогенных ситуаций. Систематизированы риски, как для клиентов, так и для самих финансовых организаций. Особое внимание обращается на преступления, совершаемые сотрудниками банков. Для анализа текущего состояния преступности в банковской сфере использованы данные МВД России. В заключении предлагаются меры предупреждения виктимизации жертв преступлений и совершенствование мер профилактики правонарушений в банковской сфере.

Ключевые слова: виктимизация, факторы виктимизации, риск виктимности, виктимизация жертв преступлений, банковская сфера.

Для цитирования: Михайлова, А. В. Риски и факторы виктимизации жертв преступлений в банковской сфере / А. В. Михайлова // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 102–108.

Risks and Factors of Victimization of Crime Victims in the Banking Sector

Mikhaylova A. V.

*North-West Branch of Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: mixaylowaanzhela@yandex.ru.*

Scientific supervisor

Krasnova K. A.

*Candidate of Law Science
Russian State University of Justice
E-mail: krasnova_up@rambler.ru.*

Abstract. The article deals with the problem of victimization of customers of banks and other credit institutions. The external and internal factors influencing the formation of victimogenic situations are indicated. The risks are systematized, both for clients and for financial organizations themselves. Special attention is paid to the crimes committed by bank employees. To analyze the current state of crime in the banking sector, data from the Ministry of Internal Affairs of Russia were used. In conclusion, we propose measures to prevent victimization of victims of crime and improve measures to prevent offenses in the banking sector.

Keywords: victimization, victimization factors, victimization risk, victimization of crime victims, banking sector.

На протяжении достаточно долгого времени ученые не могут однозначно ответить на вопрос: «Почему одни лица подвержены преступным посягательствам более чем другие». Данной проблемой занимаются как виктимологи, так и криминологи, которые определяют данную закономерность через понятие «виктимность». Виктимность — «это совокупность свойств и качеств личности, которая в условиях конкретной ситуации повышает риск определенного лица стать жертвой преступления (риск виктимности)» [6, с. 31].

На основе анализа научной литературы можно выделить внешние и внутренние виктимогенные факторы. Внешние факторы складываются из характеристики окружающей среды, разнообразны по своей структуре и не связаны с личностью потерпевшего. К ним относятся: социально-политические, экономические и правовые факторы. А в частности,

процесс глобализации, высокие темпы инфляции, монополизация, безработица, отсутствие должных правовых гарантий, латентность преступных деяний.

Поведение субъекта виктимизации является внутренним фактором, оказывающим конкретное влияние на происходящие процессы. Взаимоотношения в обществе, коллективе, семье формируют особенности личности, к которым относятся доверчивость, вспыльчивость, ненависть и др.

В настоящее время средства массовой информации (далее — СМИ) и информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» (далее — Интернет) стали той реальностью, в которой сосредоточена половина жизненно важных явлений. Благодаря им у человека также складывается мировосприятие, которое основывается на разнообразных проявлениях общественной жизни.

В ежегодном отчете Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России) за 2020 г. наглядно видно, что большая часть преступлений относится к преступлениям в сфере экономической деятельности (рис. 1) [8].

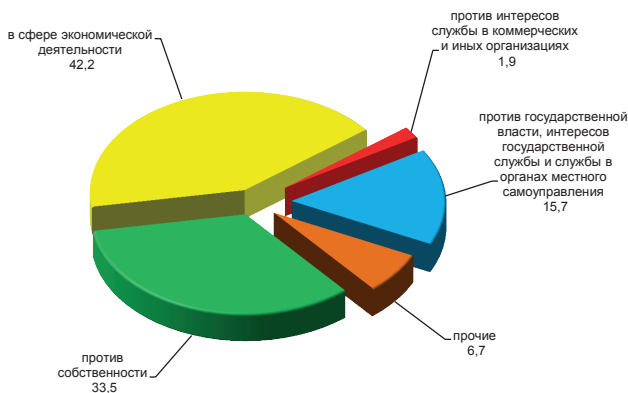

Рис 1. Преступность в экономике в 2020 г.

Преступления, совершаемые сотрудниками банка, входящие в данную статистику, с каждым годом набирают удельный вес ввиду незатруднительного процесса их совершения. Распространенным видом преступности является обналичивание денежных средств. Популярны случаи, когда в совершении данного деяния замешан менеджер банка.

Он либо принимает непосредственно участие, либо осуществляет информационную поддержку, позволяющую не привлекать внимание Центрального банка и правоохранительных органов. Банк всегда нацелен на сотрудничество с состоятельными клиентами, работа с которыми осуществляется в VIP-зонах. Персональный менеджер без труда может посмотреть, какой оборот денежных средств осуществляется по счету, как часто и на какие цели, поскольку между ними устанавливается тесный контакт, в результате которого клиент полностью доверяет сотруднику банка всю личную информацию, касаемо финансовой составляющей. Кандидаты на данную должность проходят специальный отбор, места работы оборудованы видеонаблюдением, телефонные разговоры записываются, но, к сожалению, не всегда данных мер оказывается достаточно для предотвращения преступлений.

Отсутствие регистрации договоров с вкладчиком — еще один вид противоправного деяния, набирающий обороты. Его популяризация объясняется тем, что все документы приобрели электронный вид и недобросовестный сотрудник может без труда присвоить себе денежные средства клиента, не выдав ему соответствующего документа, подтверждающего данную операцию. Менеджер банка путем создания видимости регистрации договора, может ввести клиента в заблуждение, выдав ему копию поддельно-оформленного соглашения либо вообще не предоставить квитанции из кассы, мотивируя это электронной сохранностью документа. Молодые клиенты, не придающие этому значения, чаще всего становятся жертвами преступления. Данный способ хищения денежных средств считается одним из наиболее сложных в доказывании [7, с. 2].

Пандемия «Covid-19» внесла свои изменения в предлагаемые продукты финансовых организаций. В настоящий момент популярность набирают различные инвестиционные предложения, на которые граждане соглашаются ввиду неуверенности в собственном экономическом благополучии, не оценивая возможные риски. Банковские сотрудники, видя перед собой финансово-неграмотного человека, вводят его в заблуждение, недоговаривая все условия, доводят сделку до конца, после чего клиент не может вернуть внесенные денежные средства или получает их в меньшем размере из-за списанной комиссии. Зампред Банка России Сергей Шевцов сообщил журналистам, что «вложения россиян в непроверенные инвестиционные продукты составляют 6000 млрд рублей. Свыше 90 % продаж таких продуктов обеспечили около десяти российских розничных банков» [1].

Риск виктимности довольно часто присущ также близким родственникам или знакомым преступника. Полагаясь на доверчивость

и покладистость жертв, обманным путем осуществляются различные противоправные деяния, например, оформление потребительских кредитов. Нередки случаи, когда именно в данном преступлении весомую роль играет сам сотрудник банка. «Так, А. занимала должность начальника отдела кредитования одного отделения Сберегательного Банка (ОСБ). В ее обязанности входило руководство деятельностью отдела кредитования, консультирование граждан по вопросам кредитования, оформление и сопровождение кредитных досье. В какой-то период к А. обратилась ее знакомая Г. с просьбой оформить на ее имя ряд кредитов. А., используя свое служебное положение, ускорила оформление и получение нескольких кредитов на имя Г., хотя последняя имела долговые обязательства перед ОСБ по полученным ранее кредитам. В дальнейшем А. заведомо зная, что оформление кредитов на имя Г., работавшей в должности медицинской сестры и имевшей невысокий уровень официального дохода, невозможно, а также то, что долговые обязательства Г. по оформленным кредитам начинают превышать все ее заработки, объединилась с ней в организованную группу с целью совершения хищений путем оформления и получения кредитов в ОСБ на имена других лиц с обращением денежных средств в свою пользу. Распределяя преступные роли, они пришли к соглашению, что Г. будет подыскивать и представлять различных своих знакомых, согласных оформить на свое имя кредиты, а А. — оформлять на них необходимые документы. С целью реализации преступного плана Г. стала под разными надуманными предлогами обращаться к различным своим знакомым и родственникам с предложениями оформить на себя за вознаграждение кредиты или выступить поручителями по кредитам в ОСБ, а также дать ей на время свой паспорт. При этом всем этим лицам заранее сообщалось, что деньги по кредитам им передаваться не будут, а будут обращены в пользу Г. и что гасить этим лицам данные кредиты не надо» [4; 5, с. 87].

Вышеперечисленные преступления — это далеко не полный перечень, поскольку в действительности их гораздо больше. За их совершение наступает уголовно-правовая ответственность, поскольку каждое преступление несет за собой убытки, как для клиента, так и для банка. Клиент — может лишиться денежных средств, а банк — репутации. Именно поэтому является важным направлением поддержание и развитие безопасности клиентов, а также предупреждение и выявление преступлений, совершаемых сотрудниками банка, решение проблем возмещения вреда потерпевшим [2; 3].

В части профилактики виктимизации клиентов банка необходимо проведение защитно-воспитательных мероприятий, направленных

на снижение риска стать жертвой преступного посягательства. Эффективной мерой в данном случае будет являться также контакт сотрудников службы безопасности банка и клиента, совершившего в нем любую операцию, как с помощью выставления оценки по пятибалльной шкале, также допустимы прямые звонки для уточнения корректности обслуживания менеджером.

Для минимизации риска совершения преступлений сотрудниками банка необходимо также принимать соответствующие меры такие, как надлежащая проверка кандидатов на должность, в том числе с применением полиграфа; налаживание оперативной работы с помощью постоянного общения с сотрудниками различных отделов в целях выявления лиц, склонных к совершению хищений; периодически проводить аудит в системе ИТ, а также внутреннего комплаенса; при наличии уже возбужденного уголовного дела освещать его в СМИ.

Таким образом, проводя комплексную профилактику преступлений в сфере банковской деятельности, представляется возможным уменьшение риска виктимизации жертв преступлений и осуществление его повторного наступления.

Список литературы

1. Интервью зампреда Банка России Сергея Шевцова // «Блокнот» : [сайт]. — URL: <https://bloknot.ru> (дата обращения: 31.01.2021).
2. Кобец, П. Н. О необходимости использования опыта зарубежных стран в области обеспечения защиты прав человека (потерпевшего в процессе раскрытия и расследования преступлений) / П. Н. Кобец, К. А. Краснова // Деятельность полиции и права человека : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 2-х частях. Часть 1. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. — С. 198—203.
3. Кобец, П. Н. О проблеме возмещения вреда потерпевшим на стадии предварительного расследования / П. Н. Кобец, К. А. Краснова // Уголовное судопроизводство. — 2009. — № 4. — С. 30—33.
4. Ларичев В. Д. Вопросы уголовной ответственности за незаконное получение кредита / В. Д. Ларичев // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2 (42). — С. 205—208.
5. Ларичев, В. Д. Роль организаторов и членов преступных групп в совершении хищений при осуществлении банковского кредитования / В. Д. Ларичев, Е. В. Щипова // Научный портал МВД России. — 2016. — № 1 (33). — С. 83—89.

6. Майоров, А. В. О риске виктимности в современном обществе / А. В. Майоров // Вестник УФЮИ. — 2018. — № 2 (12). — С. 30—33.

7. Махов, К. Преступления сотрудников банка или как выявить вора / К. Махов // Банковское обозрение. Финансовая сфера : [сайт]. — URL: <https://bosfera.ru/bo/prestupleniya-sotrudnikov-banka-ili-kak-vyyavit-vora> (дата обращения: 31.01.2021).

8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 31.01.2021).

Типы реагирования родителей пострадавших несовершеннолетних на ситуацию сексуального насилия

Токарева А. А.

Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей

г. Воронеж, Российская Федерация

E-mail: tockarevaanuta@yandex.ru.

Степанова М. А.

Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей

г. Воронеж, Российская Федерация

E-mail: twilight2812@yandex.ru.

Гладышева В. А.

Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей

г. Воронеж, Российская Федерация

E-mail: lera36rus@yandex.ru.

Аннотация. На основании статьи № 191 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего» (в ред. Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ), п. 4: при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно [1]. На основании многолетнего опыта психологического сопровождения в ходе следственных мероприятий пострадавших от сексуального насилия детей разного возраста, в данной статье были обобщены и выделены типы реагирования родителей на ситуацию сексуального насилия, которую пережили их дети, а также последствия «неадекватного» реагирования родителей на насилие, совершенное над ребенком. В завершении статьи рассматриваются основные задачи, которые стоят перед педагогом-психологом при сопровождении пострадавших от насилия детей, которые позволяют избежать вторичной травматизации ребенка.

Ключевые слова: ребенок, типы реагирования, сексуальное насилие, психологическая помощь, родители, вторичная травматизация ребенка.

Для цитирования: Токарева, А. А. Типы реагирования родителей пострадавших несовершеннолетних на ситуацию сексуального насилия / А. А. Токарева, М. А. Степанова, В. А. Гладышева // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 109–116.

Types of Response of Parents of Affected Minors to the Situation of Sexual Violence

Tokareva A. A.

*Center for Psychological and Pedagogical
Support and Development of Children
Voronezh, Russian Federation
E-mail: tockarevaanuta@yandex.ru.*

Stepanova M. A.

*Center for Psychological and Pedagogical
Support and Development of Children
Voronezh, Russian Federation
E-mail: twilight2812@yandex.ru.*

Gladysheva V. A.

*Center for Psychological and Pedagogical
Support and Development of Children
Voronezh, Russian Federation
E-mail: lera36rus@yandex.ru.*

Abstract. On the basis of Article No. 191 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation “Features of conducting an interrogation, confrontation, identification and verification of testimony with the participation of a minor” (in the ed. Federal law of 28.12.2013 No. 432-FZ), p. 4: during interrogation, confrontation, identification and verification of testimony involving a minor victim or witness under the age of sixteen years, or under that age, but suffering from a mental disorder or lagging in mental development, in criminal cases on crimes against sexual inviolability of minors part psychologist necessarily [1]. Based on many years of experience of psychological support in the course of investigative measures for children of different ages who have suffered from sexual violence, this article summarizes and highlights the types of parents’ response to the situation of

sexual violence experienced by their children, as well as the consequences of the “inadequate” response of parents to violence committed against a child.

Keywords: child, types of response, sexual violence, psychological assistance, parents, secondary traumatization of the child.

Многолетний практический опыт психологического сопровождения несовершеннолетних, пострадавших от сексуального насилия, показал: особые трудности возникают во взаимодействии участников следственных действий с родителями пострадавших детей. Анализ выявленных трудностей позволил выделить особенности реагирования родителей на ситуацию насилия в целом, факт обнаружения преступления; участие в следственных действиях.

1. Родители отрицают факт насилия

Пример. Несовершеннолетняя М., 12 лет, проживает в семье с мамой, братом и отчимом, который на протяжении нескольких месяцев совершал в отношении девочки «запрещенные», «стыдные вещи», «ходил по дому голый», просил «помочь снять давление», для чего девочка должна была трогать его половой орган, и тем самым «спасать ему жизнь» и т. д. Маме девочка не рассказывала, было стыдно «о таком рассказывать» и думала, что «та ей не поверит». Однажды брат девочки, находясь в гостях у бабушки, начал рассказывать о том, что отчим ходит без одежды по дому и девочка осмелилась и рассказала бабушке о ситуации насилия со стороны отчима. Бабушка обратилась в следственные органы. Мама, узнав от следователя о происходящем, заявила: «Я поговорила с мужем, он все отрицает, у меня нет оснований ему не верить, вот, если докажете, то, тогда я поверю».

Следствие. Потеря отношений с ребенком, вторичная травма у ребенка.

2. Родители испытывают страх по отношению к преступнику

Пример. Девочка М., 8 лет, проживала с мамой, бабушкой, дядей со стороны матери. Дядя совершил в отношении племянницы иные действия сексуального характера в виде прикосновения к половым органам и заднему проходу девочки. М. в этот же день рассказала об этом матери, когда та вернулась с работы. Мать девочки сразу не обратилась в правоохранительные органы, так как боялась своего ранее судимого брата. По прошествии нескольких дней она все же решила позвонить на телефон доверия Следственного Комитета.

Следствие. Сомнения матери по поводу обращения в правоохранительные органы привели к тому, что было упущено время, когда

проведение судебно-медицинской экспертизы могло выявить дополнительные следы преступления на одежде и теле ребенка.

3. Родители не верят словам ребенка

Пример. Девочка А., 10 лет, проживала с мамой и сожителем матери. В отношении девочки в течение длительного периода времени сожитель матери многократно совершал насильственные действия сексуального характера в виде прикосновения своими руками к ее обнаженным половым органам и совершения орального полового акта. Девочка, в связи с тем, что сожитель матери просил никому не рассказывать о происходящем, и чувства стыда, долгое время никому не рассказывала о происходящем. А. не нравились действия сожителя матери, однако о происходящем она рассказала матери только после того, как сожитель помимо действий сексуального характера, стал применять физическую силу в отношении девочки. Мать девочки возила ее в частный психологический центр с целью определения правдивости рассказа дочери. Но, и, после посещения психолога, который рекомендовал обратиться матери в правоохранительные органы, мать настаивала на том, что не верит дочери. Тогда девочка рассказала о происходящем своему отцу и бабушке по отцовской линии. Отец обратился в правоохранительные органы, а мать девочки собрала ее вещи и сообщила дочери, что не желает больше видеть ее в своем доме.

Следствие. Потеря отношений с ребенком, травма у ребенка.

4. Родители имеют свое мнение по поводу участия ребенка в следственных действиях

Пример. Е., 13 лет. Проживала с матерью и отцом. Познакомилась в социальной сети «ВКонтакте» с молодым человеком. На протяжении нескольких месяцев переписывалась с ним, не подозревая, что общается с мужчиной, отбывавшим наказание за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132 УК РФ, находившемся в это время на территории ФКУ ИК УФСИН России. Указанный мужчина в ходе электронной переписки предложил ей делать и направлять ему ее фотографии в обнаженном виде, а затем путем шантажа принуждал ее делать и отправлять ему новые фотографии в обнаженном виде. Родители девочки, узнав о том, что в отношении их несовершеннолетней дочери совершалось преступление, всячески препятствовали следствию, отказывались от участия в следственных действиях, заявляли о том, что: «вы – следователи, вот и разыскивайте преступников, ищите улики, доказательства, но, дочь нашу не трогайте».

Следствие. Из-за того, что, отец агрессивно реагировал на вызовы следователя для участия в следственных действиях, высказывал свое

недовольство, активно обсуждал эту ситуацию в семье, девочка считала себя виноватой в происходящем, замкнулась. Е. высказывалась о желании получить психологическую помощь, но, родители посчитали, что она в ней не нуждается. Также были затянuty сроки процессуальных действий.

5. Родители идут на понятную по какой-либо причине, препятствуют следствию

Пример. Две девочки И., 7 лет, и Л., 8 лет на протяжении нескольких месяцев ходили к мужчине, который жил по соседству. Он просил их «трогать его половой орган» и давал им за это деньги. Свидетелем этого был 6-летний брат одной из девочек, который обиделся на девочек за то, что они не поделились с ним деньгами и рассказал о происходящем своей маме. Мамы девочек обратились в правоохранительные органы, они охотно помогали следствию, говорили о том, что «были шокированы тем, что сосед мог совершить такое преступление», просили максимально наказать его. По прошествии месяца матери девочек, получив от родителей мужчины денежное вознаграждение (факт получения денежных средств был доказан следствием) заставили девочек поменять показания, применив при этом физическое наказание по отношению к девочкам. На время проведения следственных действий родители были отстранены от участия в следственных действиях, девочкам была оказана психологическая помощь и они вернулись к своим прежним показаниям. Подобным примером является случай, произошедший с девочкой Д., 11 лет, пострадавшей от сексуального насилия со стороны отчима, мать которой приняла решение убедить свою дочь поменять показания, что та и сделала. При этом девочка пояснила психологу: «Я люблю свою маму и буду говорить, как она». Мать приняла такое решение после беседы с родственниками преступника, которые уговорили ее «не ломать ему жизнь».

Следствие. Из-за того, что, матери препятствует проведению следственных действий, расследование дела затягивается и количество следственных мероприятий с участием несовершеннолетних, увеличивается. В связи с тем, что родители ограничены в правах, так как действовали не в интересах своих несовершеннолетних детей, дети на время следствия были помещены в реабилитационный центр.

6. Родители обвиняют ребенка, либо считают его виноватым

Пример. Девочка Н., 13 лет, проживала в приемной семье. На протяжении нескольких лет опекун совершал развратные действия, а когда девочке исполнилось 14 лет, вступал с ней в половую связь, в том числе

и в извращенной форме. Однажды девочка рассказала приемной матери о том, что опекун «пристает к ней», приемная мать поговорила с опекуном, тот все отрицал, и приемная мать избила девочку. Затем физические наказания и оскорбления со стороны опекунов стали регулярным. А опекун продолжил совершать насилие по отношению к девочке. О ситуации насилия девочка рассказала спустя год преподавателю техникума, в который девочка поступила на обучение. На следствии и в суде приемная мать продолжала настаивать на том, что «никакого насилия со стороны супруга по отношению к приемной дочери не было, а вся эта ситуация возникла по вине девочки, которая соблазнила ее мужа».

Следствие. У девочки сформировались «Стойкие изменения личности» (по МКБ-10: F: 62.8) на фоне «Синдрома жестокого обращения» (по МКБ-10: T 74) Данные психического расстройства находятся в прямой причинно-следственной связи с совершенными в отношении Н. действиями сексуального характера.

7. Не доверяют правоохранительным органам

Пример. Девочка Э., 13 лет, проживает в неполной семье с отцом, педагогически запущена. Познакомилась в социальной сети «ВКонтакте» с мужчинами, была вовлечена ими в сексуализированную среду. На протяжении нескольких лет переписывалась с ними на темы интимного характера, направляла им свои фотографии и видео в обнаженном виде. Факт раскрытия, совершенного в отношении Э. преступления, случайный. Отец о преступлении узнал от следователя. После чего стал писать необоснованные жалобы, заявления, контролировать ход расследования, прерывать следственные действия, предлагать свою помощь в расследовании «в связи с тем, что следователи без него не справятся» и т. д. Несмотря на то, что отец девочки был проинформирован о возможности получения психологической помощи в государственном бюджетном учреждении, за оказанием помощи своей дочери в психологический центр не обращался.

Следствие. Из-за того, что, отец препятствует проведению следственных действий, расследование дела затягивается и количество следственных мероприятий с участием несовершеннолетней, увеличивается. В связи с отсутствием у отца мотивации за обращением в психологический центр, его пострадавшая дочь не получает своевременную, квалифицированную психологическую помощь.

8. Родители скрывают факт насилия по какой-либо причине

Пример. Девочка А., 8 лет, проживала с матерью и сожителем матери. Когда девочке было 6 лет, сожитель матери стал развращать ее,

свои преступные действия он снимал на телефон. Однажды мать, выйдя из ванной, увидела, как ее сожитель в обнаженном виде лежит на ее голой дочери. Сожитель вскочил с девочки, просил прощения у матери девочки, говорил, что его «бес попутал». Факт раскрытия, совершенного в отношении А. преступления, случайный. Сожитель матери, совершивший преступление в отношении А., потерял свой телефон, который впоследствии нашел посторонний мужчина. На телефоне мужчина обнаружил видео интимного характера с участием маленькой девочки и отнес телефон в полицию. На следствии мать продолжала настаивать на том, что не было смысла обращаться в правоохранительные органы, так как ей хотелось сохранить семью.

Следствие. В связи с отсутствием у матери мотивации за обращением в психологический центр, ее пострадавшая дочь не получает своевременную, квалифицированную психологическую помощь.

9. Родители не хотят, чтобы преступник понес ответственность

Пример. Мальчик П., 9 лет, проживает в полной многодетной семье. Пострадал от мужчины, проживающего по соседству, который совершил развратные действия в отношении мальчика. Факт раскрытия, совершенного в отношении П. преступления, случайный. Классный руководитель обнаружил у П. «Тайную тетрадь», в которой мальчик рисовал комиксы интимного содержания. Педагог обратился в правоохранительные органы и сообщил о случившемся родителям П. На предварительном следствии родители П. заявили, что не хотят, чтобы мужчину, от которого пострадали их сын, сажали в тюрьму, так как они «живут в одной деревне, хорошо его знают, не хотят разбирательств и слухов по поводу произошедшей ситуации». Родители П. посчитали, что достаточным наказанием для преступника будет словесное порицание со стороны следователя: «Вы поговорите с ним, поругайте и достаточно».

Следствие. Из-за того, что родители не хотят разбирательств и в связи с отсутствием у родителей мотивации за обращением в психологический центр, их пострадавший сын не получает своевременную, квалифицированную психологическую помощь.

Основной задачей, стоящей перед педагогом-психологом, который сопровождает в ходе следственных действий пострадавшего несовершеннолетнего, является организация психологически безопасного пространства.

Несомненно, педагог-психолог на следственных действиях является опорой и поддержкой для несовершеннолетнего пострадавшего, но главное для специалиста — предотвратить возникновение

у несовершеннолетнего вторичной травматизации, которая может возникнуть в ходе проведения следственных действий.

Психологическая травматизация ребенка может возникнуть в том числе и от того, как родители ребенка будут реагировать на ситуацию насилия в целом и/или на процесс следствия.

Педагогу-психологу необходимо обращать внимание на типы реагирования родителей на ситуацию насилия, проводить разъяснительные беседы с ними; формировать способы конструктивного общения со всеми участниками следственных действий; предупреждать родителей ребенка о возможных последствиях насилия и последствиях, которые могут наступить от неадекватного реагирования родителей на ситуацию в целом. Эти меры позволят снизить риск нанесения психологической травмы пострадавшему несовершеннолетнему.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156569/ (дата обращения: 26.01.2021).

Механизмы защиты прав подозреваемого при принуждении к даче показаний

Федоров А. С.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: djalexlip48@gmail.com.*

Виноградова С. А.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: sovin3012@mail.ru.*

Научный руководитель

Григорьева Н. В.

*кандидат юридических наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.*

Аннотация. В статье изучаются различные механизмы защиты прав подозреваемого при принуждении к даче показаний в ходе предварительного следствия или дознания. Проблема принуждения подозреваемого к даче показаний негативно сказывается не только на процессуальном положении подозреваемого, но и отрицательно влияет на сотрудников следственного органа или органа дознания, так как подобные показания могут оказаться безрезультативными в суде. Анализируются материальные и процессуальные нормы российского уголовного законодательства, которые могут использоваться для пресечения принудительных показаний. Исследуются проблемы толкования норм в процессе правоприменения и коллизии законодательства, которые могут явиться причиной нарушения прав подозреваемого или обвиняемого лица. В работе кроме прочего рассматриваются как доктринальные труды, так и практика Европейского суда по правам человека по данному вопросу. Авторами делается вывод о возможных способах недопущения принуждения подозреваемого к даче показаний, и об эффективности существующих уголовно-правовых механизмов в указанной сфере.

Ключевые слова: дача показаний, подозреваемый, предварительное следствие, дознание, недопустимые доказательства, обвиняемый.

Для цитирования: Федоров, А. С. Механизмы защиты прав подозреваемого при принуждении к даче показаний / А. С. Федоров, С. А. Виноградова // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы

IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 117–124.

Mechanisms for Protecting the Rights of a Suspect when Forced to Give Evidence

Fedorov A. S.

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
E-mail: djalexlip48@gmail.com.*

Vinogradova S. A.

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
E-mail: sovin3012@mail.ru.*

Scientific supervisor

Grigoreva N. V.

Candidate of Law Science

Financial University under the Government of the Russian Federation.

Abstract. The article examines various mechanisms for protecting the rights of a suspect when forced to give evidence during a preliminary investigation or inquiry. The problem of forcing a suspect to give evidence has a negative impact not only on the procedural status of the suspect, but also negatively affects the employees of the investigative body or the body of inquiry, since such testimony may be ineffective in court. The article analyzes the material and procedural norms of the Russian criminal legislation that can be used to suppress forced testimony. The article examines the problems of interpretation of norms in the process of law enforcement and conflicts of legislation that may cause violations of the rights of a suspect or accused person. Among other things, the work examines both the doctrinal works and the practice of the European Court of Human Rights on this issue. The authors draw a conclusion about possible ways to prevent the suspect from being forced to give evidence, and about the effectiveness of existing criminal legal mechanisms in this area.

Keywords: giving evidence, the suspect, a preliminary investigation, inquiry, inadmissible evidence, the accused.

В последние годы актуальной проблемой российского общества остаются факты принуждения сотрудниками правоохранительных органов подозреваемых и обвиняемых в преступлениях лиц к даче нужных следствию показаний. Несмотря на то, что подобные показания будут признаваться недопустимым доказательством в соответствии со ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ), подозреваемому иногда сложно доказать это в суде. Похожая ситуация и с уголовной ответственностью за принуждение к даче показаний. Несмотря на существование ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), регламентирующей возможность привлечения к ответственности лица, производящего предварительное расследование с принуждением к даче показаний², подозреваемому не всегда удаётся защитить свои права и наказать виновных, в случае если деяние, предусмотренное указанной статьей, имело место.

Механизм защиты прав подозреваемого в подобных ситуациях не всегда чётко ясен и понятен, именно поэтому в рамках этой работы мы видим нужным определить и проанализировать все возможные способы защиты прав подозреваемого в случае принуждения к даче показаний. Кроме того, необходимо выяснить насколько эффективно работают эти механизмы на практике и полноценно ли они отражены в текущем российском уголовном законодательстве.

Так, в первую очередь исходя из положений УПК РФ, дача показаний является способом защиты подозреваемого, то есть это его право, а не обязанность. Следовательно, подозреваемый имеет право как давать показания на допросе в ходе предварительного следствия или дознания, так и не давать их вовсе, отказавшись от дачи показаний, что не влечёт за собой какой-либо ответственности [3, с. 191]. Тем самым принуждение к даче показаний не только нарушает права подозреваемого, но, по сути, посягает и на принцип презумпции невиновности, закрепленный ст. 14 УПК РФ. Ведь в таком случае бремя доказывания будет принудительно возлагаться на подозреваемого.

В таких обстоятельствах дача показаний должна рассматриваться не как процесс передачи информации, а только как право подозреваемого, которое он может использовать по собственному усмотрению [3, с. 189]. Выбор давать показания лично или с защитником, подозреваемый также делает сам, и следователь (дознатель) не может

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

принуждать его к даче показаний исключительно с защитником, даже с учетом того, что впоследствии показания данные без защитника могут быть признаны недопустимыми в соответствии со п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Известным прецедентом, рассмотренным Европейским судом по правам человека, который в своем решении усмотрел нарушения в действиях правоохранительных органов на досудебном производстве, было дело «Зайченко против России»¹. Осужденный ссылаясь на факт принуждения к подписанию протокола осмотра и допроса, в котором он признавал свою вину в причастности к совершению противоправного деяния, что явилось решающим фактором для признания подсудимого виновным в совершении преступления. Несмотря на предоставленные последним существенные доказательства отсутствия в его действиях состава преступления, по мнению суда эти доказательства должны были быть им предъявлены ранее, а не во время непосредственно судебного процесса. По нашему мнению, такая позиция противоречит ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, которая прямо запрещает использование доказательств, полученных с нарушением закона². Признательные показания подозреваемого или обвиняемого также не могут являться единственным доказательством виновности лица в совершении преступления, то есть, следствию необходимо предоставить дополнительные улики, подтверждающие причастность конкретного лица к преступлению. В противном случае подозрение может быть не подтверждено, а вина не доказана [1, с. 17].

Интересным в данном контексте представляется обратиться к ст. 75 УПК РФ, на основании которой к недопустимым доказательствам, в числе указанного ранее основания, относятся показания подозреваемого или обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по делу, не подтвержденные им впоследствии в суде [6, с. 78]. Исходя из этого, может возникнуть ситуация, когда подсудимый отказывается от данных на предварительном расследовании показаний, а если обвинение строилось на признании лицом своей вины, но при этом нет иных прямых или косвенных доказательств, отвечающих критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности, суд обязан вынести оправдательный приговор. Здесь прослеживается один из механизмов защиты прав подозреваемого в случае принуждения

¹ Постановление ЕСПЧ от 18.02.2010г. по делу «Зайченко против Российской Федерации» (жалоба № 39660/02) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 9.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144 (8198).

к даче показаний, так как впоследствии возбуждение уголовного дела в отношении этого же лица по аналогичным основаниям невозможно. Следовательно, подобные действия на досудебном производстве уголовного процесса ведут к негативным последствиям не только для следственных органов, в отношении которых также может быть возбуждено уголовное дело по факту принуждения к даче конкретных показаний, но и для установления истины по уголовному делу в целом, так как если указанное лицо действительно совершило данное преступление, его не смогут привлечь к ответственности повторно, так как оно было признано невиновным в суде.

Мы предполагаем, что ключевая причина, по которой такая практика имеет распространение, несмотря на ее отрицательные последствия для всех участников уголовного процесса, кроется в отсутствии должной юридической грамотности как со стороны подозреваемого или обвиняемого, который не знает о возможности не подтверждать данные в досудебном производстве показания, так и со стороны органов следствия и дознания, которые могут быть не осведомлены о безрезультатности использования показаний, полученных принудительно.

Говоря о допустимости доказательств, стоит отметить то, что в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК все доказательства, полученные с нарушением УПК РФ, будут являться недопустимыми и не могут быть положены в основу обвинения. В то же время принуждение к даче показаний в подавляющем большинстве случаев осуществляется путём угроз причинения вреда здоровью и жизни или непосредственному причинению вреда подозреваемому, что является недопустимым в соответствии со ст. 9 УПК РФ, так и ст. 21 Конституции РФ, ведь никто не может подвергаться пыткам, насилию или иному жесткому и унижающему человеческое достоинство обращению. Исходя из этого, можно сделать вывод, что правовое положение подозреваемого защищает его от возможных нарушений со стороны правоохранительных органов, однако не всё так однозначно.

Во-первых, норма, предусмотренная ч. 2 ст. 95 УПК РФ даёт возможность сотруднику органа дознания осуществлять встречу с подозреваемым в рамках оперативно-розыскной деятельности. Для проведения подобной процедуры необходимо лишь письменное разрешение на это следователя, дознавателя или суда. Порядок проведения подобных встреч уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует, что может приводить к тому, что на таких встречах сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия, могут склонять подозреваемого к признанию определённых фактов дела [4, с. 106].

И несмотря на то, что это не будет являться доказательством по уголовному делу, правоохранители могут использовать полученную информацию либо для принуждения подозреваемого уже в ходе следственных действий [2, с. 25], либо законным путем получить иные доказательства на основе полученных незаконным путем показаний лица, фактического доказать будет затруднительно.

Известны также случаи, когда лицо, задержанное как подозреваемый в совершении преступления подвергается административной ответственности в виде административного ареста на срок до 15 суток¹. Это также нарушает уголовно-процессуальное законодательство, так как фактически лишает лицо его статуса подозреваемого, а следовательно, и всех процессуальных прав и гарантий, закреплённых уголовно-процессуальным законодательством, несмотря на то, что сразу после окончания срока административного наказания его сразу признают подозреваемым в совершении преступления. Опять же, сведения, полученные от лица в этот период, не будут признаны доказательствами по делу, но на данном этапе путем психологического и физического воздействия его могут принудить к даче показаний в ходе дальнейших следственных действий.

Существует и другая проблема, которая напрямую связана с процессуальным статусом лица, дающего показания. В настоящее время недостаточно урегулирован вопрос о применимости показаний, если лицо в процессе досудебного производства меняет свой процессуальный статус [5, с. 137—138]. Так, например, свидетель, во-первых, обязан давать показания, а, во-вторых, несет уголовную ответственность, если такие показания были заведомо ложными, но, если лицо дало показания, а позже его процессуальный статус был изменен на подозреваемого, можно ли будет применять данные показания в процессе доказывания? В такой ситуации получается, что подозреваемый уже был лишен своего права не свидетельствовать против себя, кроме того, из смысла уголовно-процессуального закона следует, что в суде лицо уже не сможет отказаться от данных показаний, так как оно давало их в качестве свидетеля. Возможна и обратная ситуация, когда процессуальный статус лица меняется с подозреваемого на свидетеля, и, получив нужные следствию показания, снова сменяется на подозреваемого, что значительно упрощает саму процедуру доказывания равно как на досудебной, так и на стадии рассмотрения дела в суде.

¹ Например: Постановление ЕСПЧ от 26.01.2006 г. по делу «Михеев против Российской Федерации» (жалоба № 77617/01) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 6.

В современной правоприменительной практике механизмы защиты прав подозреваемого при принуждении к даче показаний в ряде случаев работают эффективно на основании юридической грамотности участников уголовного судопроизводства. Однако наличие превентивной меры в качестве ответственности должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, сущностно не ведет к улучшению положения подозреваемого, так как зачастую факт принуждения трудно доказуем, а возможные последствия принуждения для физического и психического здоровья подозреваемого и для установления истины в уголовном процессе несоразмерны с целями получения доказательств незаконным путем. Кроме того, существуют легальные механизмы, которые способствуют злоупотреблению органами следствия и дознания своими полномочиями, а защита лица, права которого этими действиями были нарушены, в подобных случаях также не реализуется эффективно и сводима к одной норме УК РФ. По нашему мнению, конкретизация положений законодательства по указанным спорным моментам, а также осведомленность всех лиц уголовного судопроизводства о недопустимости и нецелесообразности превышения пределов применения принудительных мер в процессе собирания доказательств позволят достичь основополагающих принципов уголовно-процессуального законодательства — законность при уголовном судопроизводстве и уважение чести и достоинства подозреваемого или обвиняемого лица.

Список литературы

1. Арсенова, Н. В. Допустимость показаний подозреваемого (обвиняемого), признающего свою вину в совершении преступления, в качестве доказательства по уголовному делу / Н. В. Арсенова // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2014. — № 2 (27). — С. 14—18.
2. Васильев, А. М. Признание вины под принуждением / А. М. Васильев, Н. А. Васильева // Администратор суда. — 2012. — № 2. — С. 23—27.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — Москва : Волтерс Клувер, 2008. — 907 с.
4. Смолькова, И. В. Встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым, находящимся под стражей / И. В. Смолькова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 2 (81). — С. 104—114.
5. Хайдаров, А. А. О некоторых правоприменительных проблемах, возникающих при изменении процессуального статуса участника

уголовного судопроизводства / А. А. Хайдаров // Журнал российского права. — 2018. — № 8. — С. 135—143.

6. Халимоненко, С. С. О запрете на использование в доказывании показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных подозреваемым, обвиняемым в суде / С. С. Халимоненко // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2020. — № 4 (50). — С. 77—80.

Виктимологическое моделирование как эффективный метод профилактики и прогнозирования преступности

Шувалова М. А.

Российская таможенная академия, Ростовский филиал

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: mari.sh01@mail.ru.

Научный руководитель

Подройкина И. А.

доктор юридических наук, профессор

Российская таможенная академия, Ростовский филиал.

Аннотация. В статье автор обращает внимание на тот факт, что сегодня виктимологическая профилактика преступлений является комплексной задачей, в решении которой принимают участие все службы и подразделения органов внутренних дел (ОВД) совместно с заинтересованными государственными органами и институтами гражданского общества. Также им анализируются вопросы виктимологического моделирования как эффективного метода профилактики преступности. Особое внимание уделяется построению виктимологической карты как одной из эффективных методик виктимологического моделирования. Обозначена проблема разработки и внедрения в практическую деятельность территориальных ОВД эффективных методов виктимологической профилактики. Предлагается использование виктимологического моделирования в сфере противодействия экономической преступности и религиозному экстремизму. Определяется роль виктимологического моделирования в системе предотвращения преступности, создания безопасной среды и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: виктимология, виктимологическая профилактика, виктимизация, девиктимизация, виктимность, виктимологическая карта, виктимологическое моделирование, виктимогенность, жертва, правоохранительные органы.

Для цитирования: Шувалова, М. А. Виктимологическое моделирование как эффективный метод профилактики и прогнозирования преступности / М. А. Шувалова // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск : Эскуэла, 2021. — С. 125–130.

Victimological Modeling as an Effective Method of Crime Prevention and Forecasting

Shuvalova M. A.

*Rostov branch of the Russian Customs Academy
Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: mari.sh01@mail.ru.*

Scientific supervisor

Podroykina I. A.

*Doctor of Law Science, Professor
Rostov Branch of the Russian Customs Academy.*

Abstract. In the article, the author draws attention to the fact that today victimological prevention of crimes is a complex task, in which all services and divisions of the internal affairs bodies (ATS) together with interested state bodies and civil society institutions participate. He also analyzes the issues of victimological modeling as an effective method of crime prevention. Special attention is paid to the construction of a victimological map as one of the most effective methods of victimological modeling. The problem of developing and implementing effective methods of victimological prevention in the practical activities of territorial police departments is identified. The use of victimological modeling in the field of countering economic crime and religious extremism is proposed. The role of victimological modeling in the system of crime prevention, creation of a safe environment and crime prevention is determined.

Keywords: victimology, victimological prevention, victimization, devictimization, victimization, victimological map, victimological modeling, victimization, victim, law enforcement agencies.

Виктимологическая профилактика преступлений является комплексной задачей, в решении которой принимают участие все службы и подразделения органов внутренних дел (ОВД) совместно с заинтересованными государственными органами и институтами гражданского общества. Проблема разработки и внедрения в практическую деятельность территориальных ОВД эффективных методов виктимологической профилактики по-прежнему не утрачивает своей актуальности и имеет большое общегосударственное значение. В юридической науке принято понимать виктимологию в широком и узком ее значениях. В широком смысле виктимология — это наука, изучающая не только жертв преступлений, но и пострадавших от социальных, техногенных

и природных катаклизмов, стихийных бедствий, войн, аварий и происшествий. Виктимология же в узком смысле или криминальная виктимология — часть криминологии, то есть отрасль знаний о жертве преступления и ее роли в генезисе преступного поведения. В отечественной научной традиции, в отличие от западных стран, виктимология больше исследует круг вопросов, связанных с жертвой преступления и коррупционными проявлениями, чем с явлениями и процессами иного характера, которые также могут повлечь за собой человеческие жертвы. Поэтому в русскоязычной литературе ее чаще именуют криминальной, реже — криминологической [3]. Безусловно, виктимология является междисциплинарным учением о жертве преступного поведения и сформировалась как самостоятельное направление научных знаний относительно недавно, лишь в середине XX века. По мнению большинства отечественных исследователей, виктимология со временем уже существенно раздвинула границы своего предметного поля и активно формируется как самостоятельная комплексная научная дисциплина вне рамок криминологии [1, с. 114—115]. Истоки такого метода как виктимологическое моделирование базируются как на общенаучных положениях, так и на самой виктимологической теории. «Моделирование означает материальное или мысленное имитирование реально существующей (натуральной) системы путем специального конструирования аналогов (моделей), в которых воспроизводятся принципы организации и функционирования этой системы» [4, с. 39]. В виктимологическом моделировании используется весь понятийный аппарат современной виктимологии, состоящий из таких терминов как виктимность, виктимизация и девиктимизация, виктимологическая безопасность, виктимологическое предупреждение, виктимологическая детерминация, жертва и др. Для целей виктимологического моделирования мы будем использовать и традиционные виктимологические суждения:

- мотивация преступного поведения существенно зависит от поведения жертвы;
 - виктимность есть особый феномен, который определяет вероятность стать жертвой преступления;
 - виктимность может быть личностной, ролевой и ситуативной;
- Виктимность может определяться рядом факторов:
- личностные характеристики;
 - ситуационные факторы;
 - степень конфликтности ситуации, конкретные особенности места и времени, в которой она развивается;
 - правовые статусы и профессионально-ролевые особенности лица.

Степень виктимности не является постоянной величиной, она может изменяться в зависимости от многих факторов. Под виктимизацией понимается повышение виктимности, а под девиктимизацией, соответственно, ее снижение. Одним из ключевых вопросов виктимологии, который остается актуальным и на сегодняшний день является вопрос о том, возможно ли влиять на степень виктимности, тем самым оказывать целенаправленное упреждающее воздействие на преступность. Виктимология изучает морально-психологические и социальные характеристики потенциальной жертвы, по которым делаются выводы об ее уязвимости, определяются ситуации, которые могут предшествовать или способствовать совершению преступления, а также ситуации непосредственного совершения преступления. Это позволяет выявить взаимодействие и взаимозависимость поведения преступника с поведением потенциальной жертвы, а также определенные криминогенно-провокационные факторы в поведении жертвы. Исходя из этого, виктимологическое моделирование является своеобразной платформой для развития не только частных виктимологических теорий, но и виктимологии как науки в целом. Создание виктимологических моделей должно базироваться на системном подходе с обязательным использованием междисциплинарных связей, достижений психологии, философии, социологии, демографии, а также математических и статистических методов. На этой основе строится виктимологическая карта, которая может использоваться в практике предупреждения преступности. Именно построение виктимологической карты является одной из эффективных методик виктимологического моделирования. Суть данной методики заключается в нанесении на крупномасштабную карту информации о совершенных преступлениях с указанием времени, места и способа совершения преступного посягательства, а также иной значимой информации. Для этих целей может использоваться специально разработанная знаковая система с расшифровкой обозначений типичных виктимологических событий. Конечно, для создания точной и актуальной виктимологической карты необходимо иметь достаточную базу данных и эффективные методы их систематизации. Системный подход позволяет разграничивать среди детерминантов главные и второстепенные, проследить их связи и изменения. Среди главных детерминант выделяют собственно причины, а ко второстепенным обычно относят условия и другие факторы. На сегодняшний день основная задача виктимологии заключается уже не столько в выявлении детерминант, сколько в определении меры и интенсивности их взаимодействия, количественном их измерении

и качественной характеристике. Для выявления взаимодействия мотивации и объективных виктимологических детерминант необходимо моделирование определенной виктимологической ситуации, которая возникает только в определенном месте и в определенное время и может способствовать виктимизации лица. Все виктимологические ситуации можно классифицировать в рамках изучения виктимологической детерминации на: виктимогенные, нейтральные, средней интенсивности и высокозначимые. Используя достижения современных технологий, разрабатываются интерактивные карты, данные на которых накапливаются и обобщаются в виде статистического отчета и дополнительных сведений. В результате применения этой методики в практике правоохранительной деятельности сотрудники ОВД в режиме реального времени могут получать информацию о процессах виктимизации, развивающихся на определенных объектах и территориях, что служит необходимым условием эффективной организации виктимологического предупреждения преступности. Наиболее значимым на сегодняшний день является использование электронных виктимологических карт с различными фильтрами. Очень удобно, например, задать время и место совершения преступлений. Можно также включить в систему фильтров и мотивационный критерий: насильственный, корыстный и др. На подобной виктимологической карте могут отражаться любые местности и территории: район, город, область, край, округ, страна и др. По нашему мнению, было бы эффективным не только составлять виктимологические карты в рамках научных исследований, но и внедрять достижения науки в практическую деятельность правоохранительных органов, путем разработки наглядной модели виктимности региона для каждого территориального ОВД. В последние десятилетия особую актуальность приобретают методы прогнозирования и противодействия экономической преступности, а в отечественной научной литературе имеются лишь фрагментарные описания отдельных виктимологических аспектов экономической преступности без глубокого анализа всей полноты проблемы [2, с. 227—239] и использования всего арсенала материалов региональной виктимологической статистики. Поэтому, по нашему мнению, виктимологическое моделирование, особенно с использованием математического аппарата как нельзя более подходит для решения указанных вопросов, тем более, что в последние годы все чаще говорят о создании частной виктимологической теории, изучающей жертв экономической преступности, их виктимность, виктимологические факторы её существования и распространения. Отдельной и также актуальной проблемой для правоохранительных

органов является противодействие религиозному экстремизму, который является на сегодняшний день угрозой национальной безопасности РФ¹. Построение виктимологических моделей помогает правоохранителям выявить категории лиц и социальные слои населения, наиболее подверженные влиянию экстремистских организаций, псевдорелигиозных проповедников и фанатиков. Любая модель должна соответствовать определенным принципам построения, которые обеспечивают научную обоснованность, достоверность и объективность получаемых выводов. Прежде всего речь идет о принципах дихотомии, оригинальности и др. Кроме того здесь используются также мировоззренческие подходы, всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы познания.

Так, например, согласно принципу дихотомии, каждое явление всегда имеет свою противоположность. Моделирование виктимности предполагает наличие следующих дихотомических пар: виктимность — криминогенность; виктимизация — девиктимизация; жертва — преступник и тому подобное. По нашему мнению, виктимологическое моделирование может быть положено в основу системы предотвращения преступности, создания безопасной среды и предупреждения преступлений, а также активно внедряться в правоохранительную практику территориальных правоохранительных органов на различных уровнях.

Список литературы

1. Мухамедьянов, Н. Международный форум виктимологов / Н. Мухамедьянов // Государство и право. — 1997. — № 12. — С. 114—115.
2. Ривман, Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 304 с.
3. Устинов, В. С. Криминологическая виктимология / В. С. Устинов // Криминология : учеб. / под ред. проф. Н. Ф. Кузнецовой, проф. В. В. Лунеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Волтерс Клаувер, 2004. — 640 с.
4. Фролов, И. Т. Гносеологические проблемы моделирования биологических систем / И. Т. Фролов // Вопросы философии. — 1961. — № 2. — С. 39—51.

¹ О Стратегии национальной безопасности РФ : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Российская газета. 2015. 31 декабря.

Научное издание

**ЗАЩИТА ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

*Материалы IV Международной научно-практической
интернет-конференции (г. Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.)*

Статьи публикуются в авторской редакции
Верстка: С. В. Воронин.

Организатор конференции:
редакция научно-практического журнала «Виктимология»
<https://victimolog.ru>.

Главный редактор:
Майоров Андрей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: victimologiy@mail.ru.

Место опубликования:
Сайт научно-практического журнала «Виктимология»
https://victimolog.ru/index.php/victimo/nauchnye_meropriyatiya.